

دانلود
کتاب

شب های روشن

(شب های سپید)

ترجمه انگلیسی و زبان اصلی روسیه ای

نویسنده : فئودور داستایوفسکی

WHITE NIGHTS

BILINGUAL EDITION
(ENGLISH - RUSSIAN)

FYODOR DOSTOEVSKY

WHITE NIGHTS

БЕЛЫЕ НОЧИ

**Bilingual Edition
English - Russian**

Fyodor Dostoevsky

translated by
Constance Garnett

FIRST NIGHT

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что взглянув на него, невольно нужно было спросить себя неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам господь чаще на душу!.. Говоря о капризных и разных сердитых господах, я не мог не припомнить и своего благонравного поведения во весь этот день.

It was a wonderful night, such a night as is only possible when we are young, dear reader. The sky was so starry, so bright that, looking at it, one could not help asking oneself whether ill-humoured and capricious people could live under such a sky. That is a youthful question too, dear reader, very youthful, but may the Lord put it more frequently into your heart!... Speaking of capricious and ill-humoured people, I cannot help recalling my moral condition all that day.

С самого утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мне вдруг показалось, что меня, одинокого, все покидают и что все от меня отступаются. Оно, конечно, всякий вправе спросить: кто же эти все? потому что вот уже восемь лет, как я живу в Петербурге, и почти ни одного знакомства не умел завести. Но к чему мне знакомства? Мне и без того знаком весь Петербург; вот почему мне и показалось, что меня все покидают, когда весь Петербург поднялся и вдруг уехал на дачу. Мне страшно стало оставаться одному, и целых три дня я бродил по городу в глубокой тоске, решительно не понимая, что со мной делается. Пойду ли на Невский, пойду ли в сад, брожу ли по набережной -- ни одного лица из тех, кого привык встречать в том же месте, в известный час целый год. Они, конечно, не знают меня, да я-то их знаю. Я коротко их знаю; я почти изучил их физиономии -- и люблюсь на них, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся.

From early morning I had been oppressed by a strange despondency. It suddenly seemed to me that I was lonely, that every one was forsaking me and going away from me. Of course, any one is entitled to ask who "every one" was. For though I had been living almost eight years in Petersburg I had hardly an acquaintance. But what did I want with acquaintances? I was acquainted with all Petersburg as it was; that was why I felt as though they were all deserting me when all Petersburg packed up and went to its summer villa. I felt afraid of being left alone, and for three whole days I wandered about the town in profound dejection, not knowing what to do with myself. Whether I walked in the Nevsky, went to the Gardens or sauntered on the embankment, there was not one face of those I had been accustomed to meet at the same time and place all the year. They, of course, do not know me, but I know them. I know them intimately, I have almost made a study of their faces, and am delighted when they are gay, and downcast when they are under a cloud.

Я почти свел дружбу с одним старичком, которого встречаю каждый божий день, в известный час, на Фонтанке. Физиономия такая важная, задумчивая;

всё шепчет под нос и махает левой рукой, а в правой у него длинная сучковатая трость с золотым набалдашником. Даже он заметил меня и принимает во мне душевное участие. Случись, что я не буду в известный час на том же месте Фонтанки, я уверен, что на него нападет хандра. Вот отчего мы иногда чуть не кланяемся друг с другом, особенно когда оба в хорошем расположении духа. Намедни, когда мы не видались целые два дня и на третий день встретились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились вовремя, опустили руки и с участием прошли друг подле друга. Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегают вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: "Здравствуйте; как ваше здоровье? и я, слава богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж". Или: "Как ваше здоровье? а меня завтра в починку". Или: "Я чуть не сгорел и притом испугался" и т.д.

I have almost struck up a friendship with one old man whom I meet every blessed day, at the same hour in Fontanka. Such a grave, pensive countenance; he is always whispering to himself and brandishing his left arm, while in his right hand he holds a long gnarled stick with a gold knob. He even notices me and takes a warm interest in me. If I happen not to be at a certain time in the same spot in Fontanka, I am certain he feels disappointed. That is how it is that we almost bow to each other, especially when we are both in good humour. The other day, when we had not seen each other for two days and met on the third, we were actually touching our hats, but, realizing in time, dropped our hands and passed each other with a look of interest.

I know the houses too. As I walk along they seem to run forward in the streets to look out at me from every window, and almost to say: "Good-morning! How do you do? I am quite well, thank God, and I am to have a new storey in May, " or, "How are you? I am being redecorated to-morrow; " or, "I was almost burnt down and had such a fright, " and so on.

Из них у меня есть любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтоб не залечили как-нибудь, сохрани его господи!.. Но никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло-розовым домиком. Это был такой миленький каменный домик, так приветливо смотрел на меня, так горделиво смотрел на своих неуклюжих соседей, что мое сердце радовалось, когда мне случалось проходить мимо. Вдруг, на прошлой неделе, я прохожу по улице и, как посмотрел на приятеля -- слышу жалобный крик: "А меня красят в желтую краску! " Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель пожелтел, как канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком, которого раскрасили под цвет поднебесной империи.

I have my favourites among them, some are dear friends; one of them intends to be treated by the architect this summer. I shall go every day on purpose to see that the operation is not a failure. God forbid! But I shall never forget an incident with a very pretty little house of a light pink colour. It was such a charming little brick house, it looked so hospitably at me, and so proudly at its ungainly neighbours, that my heart rejoiced whenever I happened to pass it. Suddenly last week I walked along the street, and when I looked at my friend I heard a plaintive, "They are painting me yellow! " The villains! The barbarians! They had spared nothing,

neither columns, nor cornices, and my poor little friend was as yellow as a canary. It almost made me bilious. And to this day I have not had the courage to visit my poor disfigured friend, painted the colour of the Celestial Empire.

Итак, вы понимаете, читатель, каким образом я знаком со всем Петербургом.

So now you understand, reader, in what sense I am acquainted with all Petersburg.

Я уже сказал, что меня целые три дня мучило беспокойство, покамест я догадался о причине его. И на улице мне было худо (того нет, этого нет, куда делся такой-то?) -- да и дома я был сам не свой. Два вечера добивался я: чего недостает мне в моем углу? отчего так неловко было в нем оставаться? -- и с недоумением осматривал я свои зеленые закоптелые стены, потолок, завешанный паутиной, которую с большим успехом разводила Матрена, пересматривал всю свою мебель, осматривал каждый стул, думая, не тут ли беда? (потому что коль у меня хоть один стул стоит не так, как вчера стоял, так я сам не свой) смотрел за окно, и всё понапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумал было призвать Матрену и тут же сделал ей отеческий выговор за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрела на меня в удивлении и пошла прочь, не ответив ни слова, так что паутина еще до сих пор благополучно висит на месте. Наконец я только сегодня поутру догадался, в чем дело.

I have mentioned already that I had felt worried for three whole days before I guessed the cause of my uneasiness. And I felt ill at ease in the street—this one had gone and that one had gone, and what had become of the other? —and at home I did not feel like myself either. For two evenings I was puzzling my brains to think what was amiss in my corner; why I felt so uncomfortable in it. And in perplexity I scanned my grimy green walls, my ceiling covered with a spider's web, the growth of which Matrona has so successfully encouraged. I looked over all my furniture, examined every chair, wondering whether the trouble lay there (for if one chair is not standing in the same position as it stood the day before, I am not myself). I looked at the window, but it was all in vain... I was not a bit the better for it! I even bethought me to send for Matrona, and was giving her some fatherly admonitions in regard to the spider's web and sluttishness in general; but she simply stared at me in amazement and went away without saying a word, so that the spider's web is comfortably hanging in its place to this day. I only at last this morning realized what was wrong.

Э! да ведаы они от меня удирают на дачу! Простите за тривиальное словцо, но мне было не до высокого слога... потому что ведаы всё, что только ни было в Петербурге, или переехало, или переезжало на дачу; потому что каждый почтенный господин солидной наружности, нанимавший извозчика, на глаза мои, тотчас же обращался в почтенного отца семейства, который после обыденных должностных занятий отправляется налегке в недра своей фамилии, на дачу потому что у каждого прохожего был теперь уже совершенно особый вид, который чуть-чуть не говорил всяком встречному: "Мы, господа, здесь только так, мимоходом а вот через два часа мы уедем на дачу".

Aie! Why, they are giving me the slip and making off to their summer villas! Forgive the triviality of the expression, but I am in no mood for fine language... for everything that had been in Petersburg had gone or was going away for the holidays; for every respectable gentleman of dignified appearance who took a cab was at once transformed, in my eyes, into a respectable head of a household who after his daily duties were over, was making his way to the bosom of his family, to the summer villa; for all the passers-by had now quite a peculiar air which seemed to say to every one they met: "We are only here for the moment, gentlemen, and in another two hours we shall be going off to the summer villa."

Отворялось ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькие, белые как сахар пальчики, и высовывалась головка хорошенькой девушки, подзывавшей разносчика с горшками цветов, -- мне тотчас же, тут же представлялось, что эти цветы только так покупаются, то есть вовсе не для того, чтоб наслаждаться весной и цветами в душной городской квартире, а что вот очень скоро все переедут на дачу и цветы с собою увезут. Мало того, я уже сделал такие успех в своем новом, особенном роде открытий, что уже мог безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто даче живет. Обитатели Каменного и Аптекарского островов или Петергофской дороги отличались изученным изяществом приемов, щегольскими летними костюмами и прекрасными экипажами, в которых они приехали в гор Жители Парголова и там, где подальше, с первого взгляда "внушали" своим благоразумием и солидностью; посетитель Крестовского острова отличался невозмутимо-веселым видом.

If a window opened after delicate fingers, white as snow, had tapped upon the pane, and the head of a pretty girl was thrust out, calling to a street-seller with pots of flowers—at once on the spot I fancied that those flowers were being bought not simply in order to enjoy the flowers and the spring in stuffy town lodgings, but because they would all be very soon moving into the country and could take the flowers with them. What is more, I made such progress in my new peculiar sort of investigation that I could distinguish correctly from the mere air of each in what summer villa he was living. The inhabitants of Kamenny and Aptekarsky Islands or of the Peterhof Road were marked by the studied elegance of their manner, their fashionable summer suits, and the fine carriages in which they drove to town. Visitors to Pargolovo and places further away impressed one at first sight by their reasonable and dignified air; the tripper to Krestovsky Island could be recognized by his look of irrepressible gaiety.

Удавалось ли мне встретить длинную процессию ломовых извозчиков, лениво шедших с возжами в руках подле возов, нагруженных целыми горами всякой мебели, столов, стульев, диванов турецких и нетурецких и прочим домашним скарбом, на котором, сверх всего этого, зачастую восседала, на самой вершине воза, щедушная кухарка, берегущая барское добро как зеницу ока; смотрел ли я на тяжело нагруженные домашнею утварью лодки, скользившие по Неве иль Фонтанке, до Черной речки иль островов, -- воза и лодки удесятерились, усотерялись в глазах моих; казалось, всё поднялось и поехало, всё переселялось целыми караванами на дачу; казалось, весь Петербург грозил обратиться в пустыню, так что наконец мне стало стыдно, обидно и грустно: мне решительно некуда и незачем было ехать на дачу. Я готов был

уйти с каждым возом, уехать с каждым господином почтенной наружности, нанимавшим извозчика; но ни один, решительно никто не пригласил меня; словно забыли меня, словно я для них был и в самом деле чужой!

If I chanced to meet a long procession of waggoners walking lazily with the reins in their hands beside waggons loaded with regular mountains of furniture, tables, chairs, ottomans and sofas and domestic utensils of all sorts, frequently with a decrepit cook sitting on the top of it all, guarding her master's property as though it were the apple of her eye; or if I saw boats heavily loaded with household goods crawling along the Neva or Fontanka to the Black River or the Islands—the waggons and the boats were multiplied tenfold, a hundredfold, in my eyes. I fancied that everything was astir and moving, everything was going in regular caravans to the summer villas. It seemed as though Petersburg threatened to become a wilderness, so that at last I felt ashamed, mortified and sad that I had nowhere to go for the holidays and no reason to go away. I was ready to go away with every waggon, to drive off with every gentleman of respectable appearance who took a cab; but no one—absolutely no one—invited me; it seemed they had forgotten me, as though really I were a stranger to them!

Я ходил много и долго, так что уже совсем успел, по своему обыкновению; забыть, где я, как вдруг очутился у заставы. Вмиг мне стало весело, и я шагнул за шлагбаум, пошел между засеянных полей и лугов, не слышал усталости, но чувствовал только всем составом своим, что какое-то бремя спадает с души моей. Все проезжие смотрели на меня так приветливо, что решительно чуть не кланялись; все были так рады чему-то, все до одного курили сигары. И я был рад, как еще никогда со мной не случалось. Точно я вдруг очутился в Италии, -- так сильно поразила природа меня, полубольного горожанина, чуть не задохнувшегося в городских стенах.

I took long walks, succeeding, as I usually did, in quite forgetting where I was, when I suddenly found myself at the city gates. Instantly I felt lighthearted, and I passed the barrier and walked between cultivated fields and meadows, unconscious of fatigue, and feeling only all over as though a burden were falling off my soul. All the passers-by gave me such friendly looks that they seemed almost greeting me, they all seemed so pleased at something. They were all smoking cigars, every one of them. And I felt pleased as I never had before. It was as though I had suddenly found myself in Italy—so strong was the effect of nature upon a half-sick townsman like me, almost stifling between city walls.

Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы опустится, разрядится, упестрится цветами... Как-то не вольно напоминает она мне ту девушку, чахлую и хворую на которую вы смотрите иногда с сожалением, иногда с какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замечаете ее, но которая вдруг, на один миг, как-то нечаянно делается неизъяснимо, чудно прекрасною, а вы пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнем эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки? что облило страстью эти нежные черты лица? отчего так вздымается эта грудь? что так внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бедной девушки, заставило его заблестать такой улыбкой, оживиться таким

сверкающим, искрометным смехом?

There is something inexpressibly touching in nature round Petersburg, when at the approach of spring she puts forth all her might, all the powers bestowed on her by Heaven, when she breaks into leaf, decks herself out and spangles herself with flowers.... Somehow I cannot help being reminded of a frail, consumptive girl, at whom one sometimes looks with compassion, sometimes with sympathetic love, whom sometimes one simply does not notice; though suddenly in one instant she becomes, as though by chance, inexplicably lovely and exquisite, and, impressed and intoxicated, one cannot help asking oneself what power made those sad, pensive eyes flash with such fire? What summoned the blood to those pale, wan cheeks? What bathed with passion those soft features? What set that bosom heaving? What so suddenly called strength, life and beauty into the poor girl's face, making it gleam with such a smile, kindle with such bright, sparkling laughter?

Вы смотрите кругом, вы кого-то ищете, вы догадываетесь... Но миг проходит, и, может быть, завтра же вы встретите опять тот же задумчивый и рассеянный взгляд, как и прежде, то же бледное лицо, ту же покорность и робость в движениях и даже раскаяние, даже следы какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлечение... И жаль вам, что так скоро, так безвозвратно завяла мгновенная красота, что так обманчиво и напрасно блеснула она перед вами, -- жаль оттого, что даже полюбить ее вам не было времени...

You look round, you seek for some one, you conjecture.... But the moment passes, and next day you meet, maybe, the same pensive and preoccupied look as before, the same pale face, the same meek and timid movements, and even signs of remorse, traces of a mortal anguish and regret for the fleeting distraction.... And you grieve that the momentary beauty has faded so soon never to return, that it flashed upon you so treacherously, so vainly, grieve because you had not even time to love her....

А все-таки моя ночь была лучше дня! Вот как это было:

And yet my night was better than my day! This was how it happened.

Я пришел назад в город очень поздно, и уже пробило десять часов, когда я стал подходить к квартире. Дорога моя шла по набережной канала, на которой в этот час не встретишь живой души. Правда, я живу в отдаленнейшей части города. Я шел и пел, потому что, когда я счастлив, я непременно мурлыкаю что-нибудь про себя, как и всякий счастливый человек, у которого нет ни друзей, ни добрых знакомых и которому в радостную минуту не с кем разделить свою радость. Вдруг со мной случилось самое неожиданное приключение.

I came back to the town very late, and it had struck ten as I was going towards my lodgings. My way lay along the canal embankment, where at that hour you never meet a soul. It is true that I live in a very remote part of the town. I walked along singing, for when I am happy I am always humming to myself like every happy man who has no friend or acquaintance with whom to share his joy. Suddenly I had a most unexpected adventure.

В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала. Она была одета в премиленькой желтой шляпке и в кокетливой черной мантильке. "Это девушка, и непременно брюнетка", -- подумал я. Она, кажется, не слыхала шагов моих, даже не шевельнулась, когда я прошел мимо, затаив дыхание и с сильно забившимся сердцем. "Странно! -- подумал я, -- верно, она о чем-нибудь очень задумалась", и вдруг я остановился как вкопанный. Мне послышалось глухое рыдание. Да! я не обманулся: девушка плакала, и через минуту еще и еще всхлипывание. Боже мой! У меня сердце сжалось. И как я ни робок с женщинами, но ведь это была такая минута!.. Я воротился, шагнул к ней и непременно бы произнес:

Leaning on the canal railing stood a woman with her elbows on the rail, she was apparently looking with great attention at the muddy water of the canal. She was wearing a very charming yellow hat and a jaunty little black mantle. "She's a girl, and I am sure she is dark, " I thought. She did not seem to hear my footsteps, and did not even stir when I passed by with bated breath and loudly throbbing heart. "Strange, " I thought; "she must be deeply absorbed in something, " and all at once I stopped as though petrified. I heard a muffled sob. Yes! I was not mistaken, the girl was crying, and a minute later I heard sob after sob. Good Heavens! My heart sank. And timid as I was with women, yet this was such a moment!... I turned, took a step towards her, and should certainly have pronounced the word

"Сударыня! " -- если б только не знал, что это восклицание уже тысячу раз произносилось во всех русских великосветских романах. Это одно и остановило меня. Но покамест я приискивал слово, девушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчас же пошел вслед за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла через улицу и пошла по тротуару. Я не посмел перейти через улицу. Сердце мое трепетало, как у пойманной птички. Вдруг один случай пришел ко мне на помощь.

"Madam! " if I had not known that that exclamation has been uttered a thousand times in every Russian society novel. It was only that reflection stopped me. But while I was seeking for a word, the girl came to herself, looked round, started, cast down her eyes and slipped by me along the embankment. I at once followed her; but she, divining this, left the embankment, crossed the road and walked along the pavement. I dared not cross the street after her. My heart was fluttering like a captured bird. All at once a chance came to my aid.

По той стороне тротуара, недалеко от моей незнакомки, вдруг появился господин во фраке, солидных лет, но нельзя сказать, чтоб солидной походки. Он шел, пошатываясь и осторожно опираясь об стенку. Девушка же шла, словно стрелка, торопливо и робко, как вообще ходят все девушки, которые не хотят, чтоб кто-нибудь вызвался провожать их Ночью домой, и, конечно, качавшийся господин ни за что не догнал бы ее, если б судьба моя не надоумила его поискать искусственных средств. Вдруг, не сказав никому ни слова, мой господин срывается с места и летит со всех ног, бежит, догоняя мою незнакомку. Она шла как ветер, но колыхавшийся господин настигал, настиг, девушка вскрикнула -- и... я благословляю судьбу за превосходную

сучковатую палку, которая случилась на этот раз в моей правой руке.

Along the same side of the pavement there suddenly came into sight, not far from the girl, a gentleman in evening dress, of dignified years, though by no means of dignified carriage; he was staggering and cautiously leaning against the wall. The girl flew straight as an arrow, with the timid haste one sees in all girls who do not want any one to volunteer to accompany them home at night, and no doubt the staggering gentleman would not have pursued her, if my good luck had not prompted him.

Suddenly, without a word to any one, the gentleman set off and flew full speed in pursuit of my unknown lady. She was racing like the wind, but the staggering gentleman was overtaking—overtook her. The girl uttered a shriek, and... I bless my luck for the excellent knotted stick, which happened on that occasion to be in my right hand.

Я мигом очутился на той стороне тротуара, мигом незванный господин понял, в чем дело, принял в соображение неотразимый резон, замолчал, отстал и только, когда уже мы были очень далеко, протестовал против меня в довольно энергических терминах. Но до нас едва долетели слова его.

In a flash I was on the other side of the street; in a flash the obtrusive gentleman had taken in the position, had grasped the irresistible argument, fallen back without a word, and only when we were very far away protested against my action in rather vigorous language. But his words hardly reached us.

-- Дайте мне руку, -- сказал я моей незнакомке, -- и он не посмеет больше к нам приставать.

"Give me your arm, " I said to the girl. "And he won't dare to annoy us further."

Она молча подала мне свою руку, еще дрожавшую от волнения и испуга. О незванный господин! как я благословлял тебя в эту минуту! Я мельком взглянул на нее: она была премиленькая и брюнетка -- я угадал; на ее черных ресницах еще блестели слезинки недавнего испуга или прежнего горя, -- не знаю. Но на губах уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснела и потупилась.

She took my arm without a word, still trembling with excitement and terror. Oh, obtrusive gentleman! How I blessed you at that moment! I stole a glance at her, she was very charming and dark—I had guessed right.

On her black eyelashes there still glistened a tear—from her recent terror or her former grief—I don't know. But there was already a gleam of a smile on her lips. She too stole a glance at me, faintly blushed and looked down.

-- Вот видите, зачем же вы тогда отогнали меня? Если б я был тут, ничего бы не случилось...

"There, you see; why did you drive me away? If I had been here, nothing would have happened...."

-- Но я вас не знала: я думала, что вы тоже...

"But I did not know you; I thought that you too...."

-- А разве вы теперь меня знаете?

"Why, do you know me now? "

-- Немножко. Вот, например, отчего вы дрожите?

"A little! Here, for instance, why are you trembling? "

-- О, вы угадали с первого раза! -- отвечал я в восторге, что моя девушка умница: это при красоте никогда не мешает. -- Да, вы с первого взгляда угадали, с кем имеете дело. Точно, я робок с женщинами, я в волнение, не спорю, не меньше, как были вы минуту назад, когда этот господин испугал вас... Я в каком-то испуге теперь. Точно сон, а я даже и во сне не гадал, что когда-нибудь буду говорить хоть с какой-нибудь женщиной.

"Oh, you are right at the first guess! " I answered, delighted that my girl had intelligence; that is never out of place in company with beauty. "Yes, from the first glance you have guessed the sort of man you have to do with. Precisely; I am shy with women, I am agitated, I don't deny it, as much so as you were a minute ago when that gentleman alarmed you. I am in some alarm now. It's like a dream, and I never guessed even in my sleep that I should ever talk with any woman."

-- Как? неужели?..

"What? Really?..."

-- Да, если рука моя дрожит, то это оттого, что никогда еще ее не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, как ваша. Я совсем отвык от женщин; то есть я к ним и не привыкал никогда; я ведь один... Я даже не знаю, как говорить с ними. Вот и теперь не знаю -- не сказал ли вам какой-нибудь глупости? Скажите мне прямо; предупреждаю вас, я не обидчив...

"Yes; if my arm trembles, it is because it has never been held by a pretty little hand like yours. I am a complete stranger to women; that is, I have never been used to them. You see, I am alone.... I don't even know how to talk to them. Here, I don't know now whether I have not said something silly to you! Tell me frankly; I assure you beforehand that I am not quick to take offence?..."

-- Нет, ничего, ничего; напротив. И если уже вы требуете, чтоб я была откровенна, так я вам скажу, что женщинам нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мне она тоже нравится, и я не отгоню вас от себя до самого дома.

"No, nothing, nothing, quite the contrary. And if you insist on my speaking frankly, I will tell you that women like such timidity; and if you want to know more, I like it too, and I won't drive you away till I get home."

-- Вы сделаете со мной, -- начал я, задыхаясь от восторга, -- что я тотчас же перестану робеть, и тогда -- прощай все мои средства!..

"You will make me, " I said, breathless with delight, "lose my timidity, and then farewell to all my chances...."

-- Средства? какие средства, к чему? вот это уж дурно.

"Chances! What chances—of what? That's not so nice."

-- Виноват, не буду, у меня с языка сорвалось; но как же вы хотите, чтоб в такую минуту не было желания...

"I beg your pardon, I am sorry, it was a slip of the tongue; but how can you expect one at such a moment to have no desire...."

-- Понравиться, что ли?

"To be liked, eh? "

-- Ну да; да будьте, ради бога, будьте добры. Посудите, кто я! Ведь вот уж мне двадцать шесть лет, а я никого никогда не видал. Ну, как же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вам же будет выгоднее, когда всё будет открыто, наружу... Я не умею молчать, когда сердце во мне говорит. Ну, да всё равно... Поверите ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! и только мечтаю каждый день, что наконец-то когда-нибудь я встречу кого-нибудь. Ах, если б вы знали, сколько раз я был влюблен таким образом!..

"Well, yes; but do, for goodness' sake, be kind. Think what I am! Here, I am twenty-six and I have never seen any one. How can I speak well, tactfully, and to the point? It will seem better to you when I have told you everything openly.... I don't know how to be silent when my heart is speaking. Well, never mind.... Believe me, not one woman, never, never! No acquaintance of any sort! And I do nothing but dream every day that at last I shall meet some one. Oh, if only you knew how often I have been in love in that way...."

-- Но как же, в кого же?..

"How? With whom?..."

-- Да ни в кого, в идеал, в ту, которая приснится во сне. Я создаю в мечтах целые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя же без того, я встречал двух-трех женщин, но какие они женщины? это всё такие хозяйки, что... Но я вас насмешу, я расскажу вам, что несколько раз думал заговорить, так, запросто, с какой-нибудь аристократкой на улице, разумеется, когда она одна; заговорить, конечно, робко, почтительно, страстно; сказать, что погибаю один, чтоб она не отгоняла меня, что нет средства узнать хоть какую-нибудь женщину; внушить ей, что даже в обязанностях женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастного человека, как я. Что, наконец, и всё, чего я требую, состоит в том только, чтоб сказать мне какие-нибудь два слова

братские, с участием, не отогнать меня с первого шага, поверить мне на слово, выслушать, что я буду говорить, посмеяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мне два слова, только два слова, потом пусть хоть мы с ней никогда не встречаемся!.. Но вы смеетесь... Впрочем, я для того и говорю...

"Why, with no one, with an ideal, with the one I dream of in my sleep. I make up regular romances in my dreams. Ah, you don't know me! It's true, of course, I have met two or three women, but what sort of women were they? They were all landladies, that.... But I shall make you laugh if I tell you that I have several times thought of speaking, just simply speaking, to some aristocratic lady in the street, when she is alone, I need hardly say; speaking to her, of course, timidly, respectfully, passionately; telling her that I am perishing in solitude, begging her not to send me away; saying that I have no chance of making the acquaintance of any woman; impressing upon her that it is a positive duty for a woman not to repulse so timid a prayer from such a luckless man as me. That, in fact, all I ask is, that she should say two or three sisterly words with sympathy, should not repulse me at first sight; should take me on trust and listen to what I say; should laugh at me if she likes, encourage me, say two words to me, only two words, even though we never meet again afterwards!... But you are laughing; however, that is why I am telling you...."

-- Не досадуйте; я смеюсь тому, что вы сами себе враг, и если б вы попробовали, то вам бы и удалось, может быть, хоть бы и на улице дело было; чем проще, тем лучше... Ни одна добрая женщина, если только она не глупа или особенно не сердита на что-нибудь в ту минуту, не решилась бы отослать вас без этих двух слов, которых вы так робко вымаливаете... Впрочем, что я! конечно, приняла бы вас за сумасшедшего. Я ведь судила по себе. Сама-то я много знаю, как люди на свете живут!

"Don't be vexed; I am only laughing at your being your own enemy, and if you had tried you would have succeeded, perhaps, even though it had been in the street; the simpler the better.... No kind-hearted woman, unless she were stupid or, still more, vexed about something at the moment, could bring herself to send you away without those two words which you ask for so timidly.... But what am I saying? Of course she would take you for a madman. I was judging by myself; I know a good deal about other people's lives."

-- О, благодарю вас, -- закричал я, -- вы не знаете, что вы для меня теперь сделали!

"Oh, thank you, " I cried; "you don't know what you have done for me now! "

-- Хорошо, хорошо! Но скажите мне, почему вы узнали, что я такая женщина, с которой... ну, которую вы считали достойной... внимания и дружбы... одним словом, не хозяйка, как вы называете. Почему вы решились подойти ко мне?

"I am glad! I am glad! But tell me how did you find out that I was the sort of woman with whom... well, whom you think worthy... of attention and friendship... in fact, not a landlady as you say? What made you decide to come up to me? "

-- Почему? почему? Но вы были одни, тот господин был слишком смел, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

"What made me?... But you were alone; that gentleman was too insolent; it's night. You must admit that it was a duty...."

-- Нет, нет, еще прежде, там, на той стороне. Ведь вы хотели же подойти ко мне?

"No, no; I mean before, on the other side—you know you meant to come up to me."

-- Там, на той стороне? Но я, право, не знаю, как отвечать; я боюсь... Знаете ли, я сегодня был счастлив; я шел, пел; я был за городом; со мной еще никогда не бывало таких счастливых минут. Вы... мне, может быть, показалось... Ну, простите меня, если я напому: мне показалось, что вы плакали, и я... я не мог слышать это... у меня стеснилось сердце... О, боже мой! Ну, да неужели же я не мог потосковать об вас? Неужели же был грех почувствовать к вам братское сострадание?... Извините, я сказал сострадание... Ну, да, одним словом, неужели я мог вас обидеть тем, что невольно вздумалось мне к вам подойти?..

"On the other side? Really I don't know how to answer; I am afraid to.... Do you know I have been happy to-day? I walked along singing; I went out into the country; I have never had such happy moments. You... perhaps it was my fancy.... Forgive me for referring to it; I fancied you were crying, and I... could not bear to hear it... it made my heart ache.... Oh, my goodness! Surely I might be troubled about you? Surely there was no harm in feeling brotherly compassion for you.... I beg your pardon, I said compassion.... Well, in short, surely you would not be offended at my involuntary impulse to go up to you?..."

-- Оставьте, довольно, не говорите... -- сказала девушка, потупившись и сжав мою руку. -- Я сама виновата, что заговорила об этом; но я рада, что не ошиблась в вас... но вот уже я дома; мне нужно сюда, в переулок; тут два шага... Прощайте, благодарю вас...

"Stop, that's enough, don't talk of it, " said the girl, looking down, and pressing my hand. "It's my fault for having spoken of it; but I am glad I was not mistaken in you.... But here I am home; I must go down this turning, it's two steps from here.... Good-bye, thank you!..."

-- Так неужели же, неужели мы больше никогда не увидимся?... Неужели это так и останется?

"Surely... surely you don't mean... that we shall never see each other again?... Surely this is not to be the end? "

-- Видите ли, -- сказала, смеясь, девушка, -- вы хотели сначала только двух слов, а теперь... Но, впрочем, я вам ничего не скажу... Может быть, встретимся...

"You see, " said the girl, laughing, "at first you only wanted two words, and now.... However, I won't say anything... perhaps we shall meet...."

-- Я приду сюда завтра, -- сказал я. -- О, простит меня, я уже требую...

"I shall come here to-morrow, " I said. "Oh, forgive me, I am already making demands...."

-- Да, вы нетерпеливы... вы почти требуете...

"Yes, you are not very patient... you are almost insisting."

-- Послушайте, послушайте! -- прервал я ее. -- Простите, если я вам скажу опять что-нибудь такое... Но вот что: я не могу не прийти сюда завтра. Я мечтатель; у меня так мало действительной жизни, что я такие минуты, как эту, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять этих минут в мечтаньях. Я промечтаю об вас целую ночь, целую неделю, весь год. Я непременно приду сюда завтра, именно сюда, на это же место, именно в этот час, и буду счастлив, припоминая вчерашнее. Уж это место мне мило. У меня уже есть такие два-три места в Петербурге. Я даже один раз заплакал от воспоминанья, как вы... Почему знать, может быть, и вы, тому назад десять минут, плакали от воспоминанья...

"Listen, listen! " I interrupted her. "Forgive me if I tell you something else.... I tell you what, I can't help coming here to-morrow, I am a dreamer; I have so little real life that I look upon such moments as this now, as so rare, that I cannot help going over such moments again in my dreams. I shall be dreaming of you all night, a whole week, a whole year. I shall certainly come here to-morrow, just here to this place, just at the same hour, and I shall be happy remembering to-day. This place is dear to me already. I have already two or three such places in Petersburg. I once shed tears over memories... like you.... Who knows, perhaps you were weeping ten minutes ago over some memory...."

Но простите меня, я опять забылся; вы, может быть, когда-нибудь были здесь особенно счастливы.

But, forgive me, I have forgotten myself again; perhaps you have once been particularly happy here...."

-- Хорошо, -- сказала девушка, -- я, пожалуй, приду сюда завтра, тоже в десять часов. Вижу, что я уже не могу вам запретить... Вот в чем дело, мне нужно быть здесь; не подумайте, чтоб я вам назначала свидание; я предупреждаю вас, мне нужно быть здесь для себя. Но вот... ну, уж я вам прямо скажу: это будет ничего, если и вы придете; во-первых, могут быть опять неприятности, как сегодня, но это в сторону... одним словом, мне просто хотелось бы вас видеть... чтоб сказать вам два слова. Только, видите ли, вы не осудите меня теперь? не подумайте, что я так легко назначаю свидания... Я бы и назначила, если б... Но пусть это будет моя тайна! Только вперед уговор...

"Very good, " said the girl, "perhaps I will come here to-morrow, too, at ten o'clock. I see that I can't forbid you.... The fact is, I have to be here; don't imagine that I am making an appointment with you; I tell you beforehand that I have to be here on my own account. But... well, I tell you straight out, I don't mind if you do come. To begin with, something unpleasant might happen as it did to-day, but never mind that.... In short, I should simply like to see you... to say two words to you. Only, mind, you must not think the worse of me now! Don't think I make appointments so lightly.... I shouldn't make it except that.... But let that be my secret! Only a compact beforehand...."

-- Уговор! говорите, скажите, скажите всё заране; я на всё согласен, на всё готов, -- вскричал я в восторге, -- я отвечаю за себя -- буду послушен, почтителен... вы меня знаете...

"A compact! Speak, tell me, tell me all beforehand; I agree to anything, I am ready for anything, " I cried delighted. "I answer for myself, I will be obedient, respectful... you know me...."

-- Именно оттого, что знаю вас, и приглашаю вас завтра, -- сказала смеясь девушка. -- Я вас совершенно знаю. Но, смотрите, приходите с условием; во-первых (только будьте добры, исполните, что я попрошу, -- видите ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь в меня... Это нельзя, уверяю вас. На дружбу я готова, вот вам рука моя... А влюбиться нельзя, прошу вас!

"It's just because I do know you that I ask you to come to-morrow, " said the girl, laughing. "I know you perfectly. But mind you will come on the condition, in the first place (only be good, do what I ask—you see, I speak frankly), you won't fall in love with me.... That's impossible, I assure you. I am ready for friendship; here's my hand.... But you mustn't fall in love with me, I beg you! "

-- Клянусь вам, --закричал я, схватив ее ручку...

"I swear, " I cried, gripping her hand....

-- Полноте, не клянитесь, я ведь знаю, вы способны вспыхнуть как порох. Не осуждайте меня, если я так говорю. Если б вы знали... У меня тоже никого нет, с кем бы мне можно было слово сказать, у кого бы совета спросить. Конечно, не на улице же искать советников, да вы исключение. Я вас так знаю, как будто уже мы двадцать лет были друзьями... Не правда ли, вы не измените?..

"Hush, don't swear, I know you are ready to flare up like gunpowder. Don't think ill of me for saying so. If only you knew.... I, too, have no one to whom I can say a word, whose advice I can ask. Of course, one does not look for an adviser in the street; but you are an exception. I know you as though we had been friends for twenty years.... You won't deceive me, will you?..."

-- Увидите... только я не знаю, как уж я доживу хотя сутки.

"You will see... the only thing is, I don't know how I am going to survive the next twenty-four hours."

-- Спите покрепче; доброй ночи -- и помните, что я вам уже вверилась. Но вы так хорошо воскликнули давеча: неужели ж давать отчет в каждом чувстве, даже в братском сочувствии! Знаете ли, это было так хорошо сказано, что у меня тотчас же мелькнула мысль довериться вам...

"Sleep soundly. Good-night, and remember that I have trusted you already. But you exclaimed so nicely just now, 'Surely one can't be held responsible for every feeling, even for brotherly sympathy!' Do you know, that was so nicely said, that the idea struck me at once, that I might confide in you? "

-- Ради бога, но в чем? что?

"For God's sake do; but about what? What is it? "

-- До завтра. Пусть это будет покамест тайной. Тем лучше для вас; хоть издали будет на роман похоже. Может быть, я вам завтра же скажу, а может быть, нет... Я еще с вами наперед поговорю, мы познакомимся лучше...

"Wait till to-morrow. Meanwhile, let that be a secret. So much the better for you; it will give it a faint flavour of romance. Perhaps I will tell you to-morrow, and perhaps not.... I will talk to you a little more beforehand; we will get to know each other better...."

-- О, да я вам завтра же всё расскажу про себя! Но что это? точно чудо со мной совершается... Где я, боже мой? Ну, скажите, неужели вы недовольны тем, что не рассердились, как бы сделала другая, не отогнали меня в самом начале? Две минуты, и вы сделали меня навсегда счастливым. Да! счастливым; почем знать, может быть, вы меня с собой помирили, разрешили мои сомнения... Может быть, на меня находят такие минуты... Ну, да я вам завтра всё расскажу, вы всё узнаете, всё...

"Oh yes, I will tell you all about myself to-morrow! But what has happened? It is as though a miracle had befallen me.... My God, where am I? Come, tell me aren't you glad that you were not angry and did not drive me away at the first moment, as any other woman would have done? In two minutes you have made me happy for ever. Yes, happy; who knows, perhaps, you have reconciled me with myself, solved my doubts!... Perhaps such moments come upon me.... But there I will tell you all about it to-morrow, you shall know everything, everything...."

-- Хорошо, принимаю; вы и начнете...

"Very well, I consent; you shall begin...."

-- Согласен.

"Agreed."

-- До свиданья!

"Good-bye till to-morrow! "

-- До свиданья!

"Till to-morrow! "

И мы расстались. Я ходил всю ночь; я не мог решиться воротиться домой. Я был так счастлив... до завтра!

And we parted. I walked about all night; I could not make up my mind to go home. I was so happy.... To-morrow!

SECOND NIGHT

НОЧЬ ВТОРАЯ

"Well, so you have survived! " she said, pressing both my hands.

-- Ну, вот и дожили! -- сказала она мне, смеясь и пожимая мне обе руки.

-- Я здесь уже два часа; вы не знаете, что было со мной целый день!

"I've been here for the last two hours; you don't know what a state I have been in all day."

-- Знаю, знаю... но к делу. Знаете, зачем я пришла? Ведь не вздор болтать, как вчера. Вот что: нам нужно вперед умней поступать. Я обо всем этом вчера долго думала.

"I know, I know. But to business. Do you know why I have come? Not to talk nonsense, as I did yesterday. I tell you what, we must behave more sensibly in future. I thought a great deal about it last night."

-- В чем же, в чем быть умнее? С моей стороны, я готов; но, право, в жизнь не случилось со мною ничего умнее, как теперь.

"In what way—in what must we be more sensible? I am ready for my part; but, really, nothing more sensible has happened to me in my life than this, now."

-- В самом деле? Во-первых, прошу вас, не жмите так моих рук; во-вторых, объявляю вам, что я об вас сегодня долго раздумывала.

"Really? In the first place, I beg you not to squeeze my hands so; secondly, I must tell you that I spent a long time thinking about you and feeling doubtful to-day."

-- Ну, и чем же кончилось?

"And how did it end? "

-- Чем кончилось? Кончилось тем, что нужно всё снова начать, потому что в заключение всего я решила сегодня, что вы еще мне совсем неизвестны, что я вчера поступила как ребенок, как девочка, и, разумеется, вышло так, что всему виновато мое доброе сердце, то есть я похвалила себя, как и всегда кончается, когда мы начнем свое разбирать. И потому, чтоб поправить ошибку, я решила разузнать об вас самым подробнейшим образом. Но так как разузнавать о вас не у кого, то вы и должны мне сами всё рассказать, всю подноготную. Ну, что вы за человек? Поскорее -- начинайте же, рассказывайте свою историю.

"How did it end? The upshot of it is that we must begin all over again, because the conclusion I reached to-day was that I don't know you at all; that I behaved like a baby last night, like a little girl; and, of course, the fact of it is, that it's my soft

heart that is to blame—that is, I sang my own praises, as one always does in the end when one analyses one's conduct. And therefore to correct my mistake, I've made up my mind to find out all about you minutely. But as I have no one from whom I can find out anything, you must tell me everything fully yourself. Well, what sort of man are you? Come, make haste—begin—tell me your whole history."

-- Историю! -- закричал я, испугавшись, -- историю!! Но кто вам сказал, что у меня есть моя история? у меня нет истории...

"My history! " I cried in alarm. "My history! But who has told you I have a history? I have no history...."

-- Так как же вы жили, коль нет истории? -- перебила она смеясь.

"Then how have you lived, if you have no history? " she interrupted, laughing.

-- Совершенно без всяких историй! так, жил, как у нас говорится, сам по себе, то есть один совершенно, -- один, один вполне, -- понимаете, что такое один?

"Absolutely without any history! I have lived, as they say, keeping myself to myself, that is, utterly alone—alone, entirely alone. Do you know what it means to be alone? "

-- Да как один? То есть вы никого никогда не видели?

"But how alone? Do you mean you never saw any one? "

-- О нет, видеть-то вижу, -- а все-таки я один.

"Oh no, I see people, of course; but still I am alone."

-- Что же, вы разве не говорите ни с кем?

"Why, do you never talk to any one? "

-- В строгом смысле, ни с кем.

"Strictly speaking, with no one."

-- Да кто же вы такой, объяснитесь! Постойте, я догадываюсь: у вас, верно, есть бабушка, как и у меня. Она слепая и вот уже целую жизнь меня никуда не пускает, так что я почти разучилась совсем говорить. А когда я нашла тому назад года два, так она видит, что меня не удержишь, взяла призвала меня да и пришила булавкой мое платье к своему -- и так мы с тех пор и сидим по целым дням; она чулок вяжет, хоть и слепая; а я подле нее сижу, шей или книжку вслух ей читаю -- такой странный обычай, что вот уже два года пришивленная...

"Who are you then? Explain yourself! Stay, I guess: most likely, like me you have a grandmother. She is blind and will never let me go anywhere, so that I have almost forgotten how to talk; and when I played some pranks two years ago, and she saw

there was no holding me in, she called me up and pinned my dress to hers, and ever since we sit like that for days together; she knits a stocking, though she's blind, and I sit beside her, sew or read aloud to her—it's such a queer habit, here for two years I've been pinned to her...."

-- Ах, боже мой, какое несчастье! Да нет же, у меня нет такой бабушки.

"Good Heavens! what misery! But no, I haven't a grandmother like that."

-- А коль нет, так как это вы можете дома сидеть?..

"Well, if you haven't why do you sit at home?..."

-- Послушайте, вы хотите знать, кто я таков?

"Listen, do you want to know the sort of man I am? "

-- Ну, да, да!

"Yes, yes! "

-- В строгом смысле слова?

"In the strict sense of the word? "

-- В самом строгом смысле слова!

"In the very strictest sense of the word."

-- Извольте, я -- тип.

"Very well, I am a type! "

-- Тип, тип! какой тип? -закричала девушка, захохотав так, как будто ей целый год не удавалось смеяться. -- Да с вами превесело! Смотрите: вот здесь есть скамейка; сядем! Здесь никто не ходит, нас никто не услышит, и -- начинайте же вашу историю! потому что, уж вы меня не уверите, у вас есть история, а вы только скрываетесь. Во-первых, что это такое тип?

"Type, type! What sort of type? " cried the girl, laughing, as though she had not had a chance of laughing for a whole year. "Yes, it's very amusing talking to you. Look, here's a seat, let us sit down. No one is passing here, no one will hear us, and—begin your history. For it's no good your telling me, I know you have a history; only you are concealing it. To begin with, what is a type? "

-- Тип? тип -- это оригинал, это такой смешной человек! -- отвечал я, сам расхохотавшись вслед за ее детским смехом. -- Это такой характер. Слушайте: знаете вы, что такое мечтатель?

"A type? A type is an original, it's an absurd person! " I said, infected by her childish laughter. "It's a character. Listen; do you know what is meant by a

dreamer? "

-- Мечтатель? позвольте, да как не знать? я сама мечтатель! Иной раз сидишь подле бабушки и чего-чего в голову не войдет. Ну, вот и начнешь мечтать, да так раздумаешься -- ну, просто за китайского принца выхожу... А ведь это в другой раз и хорошо -- мечтать! Нет, впрочем, бог знает! Особенно если есть и без этого о чем думать, -- прибавила девушка на этот раз довольно серьезно.

"A dreamer! Indeed I should think I do know. I am a dreamer myself. Sometimes, as I sit by grandmother, all sorts of things come into my head. Why, when one begins dreaming one lets one's fancy run away with one—why, I marry a Chinese Prince!... Though sometimes it is a good thing to dream! But, goodness knows! Especially when one has something to think of apart from dreams, " added the girl, this time rather seriously.

-- Превосходно! Уж коли раз вы выходили за богдыхана китайского, так, стало быть, совершенно поймете меня. Ну, слушайте... Но позвольте: ведь я еще не знаю, как вас зовут?

"Excellent! If you have been married to a Chinese Emperor, you will quite understand me. Come, listen.... But one minute, I don't know your name yet."

-- Наконец-то! вот рано вспомнили!

"At last! You have been in no hurry to think of it! "

-- Ах, боже мой! да мне и на ум не пришло, мне было и так хорошо...

"Oh, my goodness! It never entered my head, I felt quite happy as it was...."

-- Меня зовут -- Настенька.

"My name is Nastenka."

-- Настенька! и только?

"Nastenka! And nothing else? "

-- Только! да неужели вам мало, ненасытный вы этакой!

"Nothing else! Why, is not that enough for you, you insatiable person? "

-- Мало ли? Много, много, напротив, очень много, Настенька, добренькая вы девушка, коли с первого разу вы для меня стали Настенькой!

"Not enough? On the contrary, it's a great deal, a very great deal, Nastenka; you kind girl, if you are Nastenka for me from the first."

-- То-то же! ну!

"Quite so! Well? "

-- Ну, вот, Настенька, слушайте-ка, какая тут выходит смешная история.

"Well, listen, Nastenka, now for this absurd history."

Я уселся подле нее, принял педантски-серьезную позу и начал словно по-писанному:

I sat down beside her, assumed a pedantically serious attitude, and began as though reading from a manuscript: —

-- Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть в Петербурге довольно странные уголки. В эти места как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей, а заглядывает какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для этих углов, и светит на всё иным, особенным светом. В этих углах, милая Настенька, выживается как будто совсем другая жизнь, не похожая на ту, которая возле нас кипит, а такая, которая может быть в тридесятom неведомом царстве, а не у нас, в наше серьезное-пресерьезное время. Вот эта-то жизнь и есть смесь чего-то чисто фантастического, горячо-идеального и вместе с тем (увы, Настенька!) тускло-прозаичного и обыкновенного, чтоб не сказать: до невероятности пошлого.

"There are, Nastenka, though you may not know it, strange nooks in Petersburg. It seems as though the same sun as shines for all Petersburg people does not peep into those spots, but some other different new one, bespoke expressly for those nooks, and it throws a different light on everything. In these corners, dear Nastenka, quite a different life is lived, quite unlike the life that is surging round us, but such as perhaps exists in some unknown realm, not among us in our serious, over-serious, time. Well, that life is a mixture of something purely fantastic, fervently ideal, with something (alas! Nastenka) dingily prosaic and ordinary, not to say incredibly vulgar."

-- Фу! господи боже мой! какое предисловие! Что же это я такое услышу?

"Foo! Good Heavens! What a preface! What do I hear? "

-- Услышите вы, Настенька (мне кажется, я некогда не устану называть вас Настенькой), услышите вы, что в этих углах проживают странные люди -- мечтатели Мечтатель -- если нужно его подробное определение -- не человек, а, знаете, какое-то существо среднего рода. Селится он большею частию где-нибудь в неприступном углу, как будто таится в нем даже от дневного света и уж если заберется к себе, то так и прирастет к своему углу, как улитка, или, по крайней мере, он очень похож в этом отношении на то занимательное животное, которое и животное и дом вместе, которое называется черепахой. Как вы думаете, отчего он так любит свои четыре стены, выкрашенные непременно зеленою краскою, закоптелые, унылые и непозволительно обкуренные? Зачем этот смешной господин, когда его приходит навестить кто-нибудь из его редких знакомых (а кончает он тем, что знакомые у него все переводятся),

"Listen, Nastenka. (It seems to me I shall never be tired of calling you Nastenka.) Let me tell you that in these corners live strange people—dreamers. The dreamer—if you want an exact definition—is not a human being, but a creature of an intermediate sort. For the most part he settles in some inaccessible corner, as though hiding from the light of day; once he slips into his corner, he grows to it like a snail, or, anyway, he is in that respect very much like that remarkable creature, which is an animal and a house both at once, and is called a tortoise. Why do you suppose he is so fond of his four walls, which are invariably painted green, grimy, dismal and reeking unpardonably of tobacco smoke? Why is it that when this absurd gentleman is visited by one of his few acquaintances (and he ends by getting rid of all his friends),

зачем этот смешной человек встречает его, так сконфузившись, так изменившись в лице и в таком замешательстве, как будто он только что сделал в своих четырех стенах преступление, как будто он фабриковал фальшивые бумажки или какие-нибудь стишки для отсылки в журнал при анонимном письме, в котором обозначается, что настоящий поэт уже умер и что друг его считает священным долгом опубликовать его вирши? Отчего скажите мне, Настенька, разговор так не вяжется у этих двух собеседников? отчего ни смех, ни какое-нибудь бойкое словцо не слетает с языка внезапно вошедшего и озадаченного приятеля, который в другом случае очень любит и смех, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасном поле, и другие веселые темы? Отчего же, наконец, этот приятель, вероятно, недавний знакомый, и при первом визите, -- потому что второго в таком случае уже не будет и приятель другой раз не придет, -- отчего сам приятель так конфузится, так костенеет, при всем своем остроумии (если только оно есть у него),

why does this absurd person meet him with such embarrassment, changing countenance and overcome with confusion, as though he had only just committed some crime within his four walls; as though he had been forging counterfeit notes, or as though he were writing verses to be sent to a journal with an anonymous letter, in which he states that the real poet is dead, and that his friend thinks it his sacred duty to publish his things? Why, tell me, Nastenka, why is it conversation is not easy between the two friends? Why is there no laughter? Why does no lively word fly from the tongue of the perplexed newcomer, who at other times may be very fond of laughter, lively words, conversation about the fair sex, and other cheerful subjects? And why does this friend, probably a new friend and on his first visit—for there will hardly be a second, and the friend will never come again—why is the friend himself so confused, so tongue-tied, in spite of his wit (if he has any),

глядя на опрокинутое лицо хозяина, который, в свою очередь, уже совсем успел потеряться и сбиться с последнего толка после исполинских, но тщетных усилий разглядеть и упростить разговор, показать и с своей стороны знание светскости, тоже заговорить о прекрасном поле и хоть такую покорностью понравиться бедному, не туда попавшему человеку, который ошибкою пришел к нему в гости? Отчего, наконец, гость вдруг хватается за шляпу и быстро уходит, внезапно вспомнив о самонужнейшем деле, которого никогда не бывало, и кое-как высвобождает свою руку из жарких пожатий хозяина, всячески старающегося показать свое раскаяние и поправить потерянное?

as he looks at the downcast face of his host, who in his turn becomes utterly helpless and at his wits' end after gigantic but fruitless efforts to smooth things over and enliven the conversation, to show his knowledge of polite society, to talk, too, of the fair sex, and by such humble endeavour, to please the poor man, who like a fish out of water has mistakenly come to visit him? Why does the gentleman, all at once remembering some very necessary business which never existed, suddenly seize his hat and hurriedly make off, snatching away his hand from the warm grip of his host, who was trying his utmost to show his regret and retrieve the lost position?

Отчего уходящий приятель хохочет, выйдя за дверь, тут же дает самому себе слово никогда не приходить к этому чудаку, хотя этот чудак в сущности и превосходнейший малый, и в то же время никак не может отказать своему воображению в маленькой прихоти: сравнить, хоть отдаленным образом, физиономию своего недавнего собеседника во всё время свидания с видом того несчастного котеночка, которого измяли, застрашали и всячески обидели дети, вероломно захватив его в плен, сконфузили в прах, который забился наконец от них под стул, в темноту, и там целый час на досуге принужден ошетиниваться, отфыркиваться и мыть свое обиженное рыльце обеими лапами и долго еще после того враждебно взирать на природу и жизнь и даже на подачку с господского обеда, припасенную для него сострадательною ключницею?

Why does the friend chuckle as he goes out of the door, and swear never to come and see this queer creature again, though the queer creature is really a very good fellow, and at the same time he cannot refuse his imagination the little diversion of comparing the queer fellow's countenance during their conversation with the expression of an unhappy kitten treacherously captured, roughly handled, frightened and subjected to all sorts of indignities by children, till, utterly crestfallen, it hides away from them under a chair in the dark, and there must needs at its leisure bristle up, spit, and wash its insulted face with both paws, and long afterwards look angrily at life and nature, and even at the bits saved from the master's dinner for it by the sympathetic housekeeper? "

-- Послушайте, -- перебила Настенька, которая всё время слушала меня в удивлении, открыв глаза и ротик, -- послушайте: я совершенно не знаю, отчего всё это произошло и почему именно вы мне предлагаете такие смешные вопросы; но что я знаю наверно, так то, что все эти приключения случились непременно с вами, от слова до слова.

"Listen, " interrupted Nastenka, who had listened to me all the time in amazement, opening her eyes and her little mouth. "Listen; I don't know in the least why it happened and why you ask me such absurd questions; all I know is, that this adventure must have happened word for word to you."

-- Без сомнения, -- отвечал я с самою серьезной миной.

"Doubtless, " I answered, with the gravest face.

-- Ну, коли без сомнения, так продолжайте, -- ответила Настенька, -- потому что мне очень хочется знать, чем это кончится.

"Well, since there is no doubt about it, go on, " said Nastenka, "because I want very much to know how it will end."

-- Вы хотите знать, Настенька, что такое делал в своем углу наш герой, или, лучше сказать, я, потому что герой всего дела -- я, своей собственной скромной особой; вы хотите знать, отчего я так переполошился и потерялся на целый день от неожиданного визита приятеля? Вы хотите знать, отчего я так вспорхнулся, так покраснел, когда отворили дверь в мою комнату, почему я не умел принять гостя и так постыдно погиб под тяжестью собственного гостеприимства?

"You want to know, Nastenka, what our hero, that is I—for the hero of the whole business was my humble self—did in his corner? You want to know why I lost my head and was upset for the whole day by the unexpected visit of a friend? You want to know why I was so startled, why I blushed when the door of my room was opened, why I was not able to entertain my visitor, and why I was crushed under the weight of my own hospitality? "

-- Ну да, да! -- отвечала Настенька, -- в этом и дело. Послушайте: вы прекрасно рассказываете, но нельзя ли рассказывать как-нибудь не так прекрасно? А то вы говорите, точно книгу читаете.

"Why, yes, yes, " answered Nastenka, "that's the point. Listen. You describe it all splendidly, but couldn't you perhaps describe it a little less splendidly? You talk as though you were reading it out of a book."

-- Настенька! -- отвечал я важным и строгим голосом, едва удерживаясь от смеха, -- милая Настенька, я знаю, что я рассказываю прекрасно, но -- виноват, иначе я рассказывать не умею. Теперь, милая Настенька, теперь похож на дух царя Соломона, который был тысячу лет в кубышке, под семью печатями, и с которого наконец сняли все эти семь печатей. Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять после такой долгой разлуки, -- потому что я вас давно уже знал, Настенька, потому что я уже давно кого-то искал, а это знак, что я искал именно вас и что нам было суждено теперь свидеться, -- теперь в моей голове открылись тысячи клапанов, и я должен пролиться рекою слов, не то я задохнусь. Итак, прошу не перебивать меня, Настенька, а слушать покорно и послушно; иначе -- я замолчу.

"Nastenka, " I answered in a stern and dignified voice, hardly able to keep from laughing, "dear Nastenka, I know I describe splendidly, but, excuse me, I don't know how else to do it. At this moment, dear Nastenka, at this moment I am like the spirit of King Solomon when, after lying a thousand years under seven seals in his urn, those seven seals were at last taken off. At this moment, Nastenka, when we have met at last after such a long separation—for I have known you for ages, Nastenka, because I have been looking for some one for ages, and that is a sign that it was you I was looking for, and it was ordained that we should meet now—at this moment a thousand valves have opened in my head, and I must let myself flow in a

river of words, or I shall choke. And so I beg you not to interrupt me, Nastenka, but listen humbly and obediently, or I will be silent."

-- Ни-ни-ни! никак! говорите! Теперь я не скажу ни слова.

"No, no, no! Not at all. Go on! I won't say a word! "

-- Продолжаю: есть, друг мой Настенька, в моем дне один час, который я чрезвычайно люблю. Это тот самый час, когда кончаются почти всякие дела, должности и обязательства и все спешат по домам пообедать, прилечь отдохнуть и тут же, в дороге, изобретают и другие веселые темы, касающиеся вечера, ночи и всего остающегося свободного времени. В этот час и наш герой, -- потому что уж позвольте мне, Настенька, рассказывать в третьем лице, затем что в первом лице всё это ужасно стыдно рассказывать, -- итак, в этот час и наш герой, который тоже был не без дела, шагает за прочими. Но странное чувство удовольствия играет на его бледном, как будто несколько измятом лице. Нравнодушно смотрит он на вечернюю зарю, которая медленно гаснет на холодном петербургском небе. Когда я говорю -- смотрит, так я лгу: он не смотрит, но созерцает как-то безотчетно, как будто усталый или занятый в то же время каким-нибудь другим, более интересным предметом, так что разве только мельком, почти невольно, может уделить время на всё окружающее.

"I will continue. There is, my friend Nastenka, one hour in my day which I like extremely. That is the hour when almost all business, work and duties are over, and every one is hurrying home to dinner, to lie down, to rest, and on the way all are cogitating on other more cheerful subjects relating to their evenings, their nights, and all the rest of their free time. At that hour our hero—for allow me, Nastenka, to tell my story in the third person, for one feels awfully ashamed to tell it in the first person—and so at that hour our hero, who had his work too, was pacing along after the others. But a strange feeling of pleasure set his pale, rather crumpled-looking face working. He looked not with indifference on the evening glow which was slowly fading on the cold Petersburg sky. When I say he looked, I am lying: he did not look at it, but saw it as it were without realizing, as though tired or preoccupied with some other more interesting subject, so that he could scarcely spare a glance for anything about him.

Он доволен, потому что покончил до завтра с досадными для него делами, и рад, как школьник, которого выпустили с классной скамьи к любимым играм и шалостям. Посмотрите на него сбоку, Настенька: вы тотчас увидите, что радостное чувство уже счастливо подействовало на его слабые нервы и болезненно раздраженную фантазию. Вот он о чем-то задумался... Вы думаете, об обеде? о сегодняшнем вечере? На что он так смотрит? На этого ли господина солидной наружности, который так картинно поклонился даме, прокатившейся мимо него на резвоногих конях в блестящей карете? Нет, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Он теперь уже богат своею особенною жизнью; он как-то вдруг стал богатым, и прощальный луч потухающего солнца не напрасно так весело сверкнул перед ним и вызвал из согретого сердца целый рой впечатлений. Теперь он едва замечает ту дорогу, на которой прежде самая мелкая мелочь могла поразить его. Теперь "богиня фантазия" (если вы читали Жуковского, милая Настенька)

He was pleased because till next day he was released from business irksome to him, and happy as a schoolboy let out from the class-room to his games and mischief. Take a look at him, Nastenka; you will see at once that joyful emotion has already had an effect on his weak nerves and morbidly excited fancy. You see he is thinking of something.... Of dinner, do you imagine? Of the evening? What is he looking at like that? Is it at that gentleman of dignified appearance who is bowing so picturesquely to the lady who rolls by in a carriage drawn by prancing horses? No, Nastenka; what are all those trivialities to him now! He is rich now with his own individual life; he has suddenly become rich, and it is not for nothing that the fading sunset sheds its farewell gleams so gaily before him, and calls forth a swarm of impressions from his warmed heart. Now he hardly notices the road, on which the tiniest details at other times would strike him. Now 'the Goddess of Fancy' (if you have read Zhukovsky, dear Nastenka)

уже заткала прихотливою рукою свою золотую основу и пошла развивать перед ним узоры небывалой, причудливой жизни -- и, кто знает, может, перенесла его прихотливой рукою на седьмое хрустальное небо с превосходного гранитного тротуара, по которому он идет восвояси. Попробуйте остановить его теперь, спросите его вдруг: где он теперь стоит, по каким улицам шел? -- он наверно бы ничего не припомнил, ни того, где ходил, ни того, где стоял теперь, и, покраснев с досады, непременно солгал бы что-нибудь для спасения приличий. Вот почему он так вздрогнул, чуть не закричал и с испугом огляделся кругом, когда одна очень почтенная старушка учтиво остановила его посреди тротуара и стала расспрашивать его о дороге, которую она потеряла. Нахмурясь с досады, шагает он дальше, едва замечая, что не один прохожий улыбнулся, на него глядя, и обратился ему вслед и что какая-нибудь маленькая девочка, боязливо уступившая ему дорогу, громко засмеялась, посмотрев во все глаза на его широкую созерцательную улыбку и жесты руками.

has already with fantastic hand spun her golden warp and begun weaving upon it patterns of marvellous magic life—and who knows, maybe, her fantastic hand has borne him to the seventh crystal heaven far from the excellent granite pavement on which he was walking his way? Try stopping him now, ask him suddenly where he is standing now, through what streets he is going—he will, probably remember nothing, neither where he is going nor where he is standing now, and flushing with vexation he will certainly tell some lie to save appearances. That is why he starts, almost cries out, and looks round with horror when a respectable old lady stops him politely in the middle of the pavement and asks her way. Frowning with vexation he strides on, scarcely noticing that more than one passer-by smiles and turns round to look after him, and that a little girl, moving out of his way in alarm, laughs aloud, gazing open-eyed at his broad meditative smile and gesticulations.

Но всё та же фантазия подхватила на своем игривом полете и старушку, и любопытных прохожих, и смеющуюся девочку, и мужичков, которые тут же вечеряют на своих барках, запрудивших Фонтанку (положим, в это время по ней проходил наш герой) заткала шаловливо всех и всё в свою канву, как мух в паутину, и с новым приобретением чудак уже вошел к себе в отрадную норку, уже сел за обед, уже давно отобедал и очнулся только тогда, когда задумчивая и вечно печальная Матрена, которая ему прислуживает, уже всё

прибрала со стола и подала ему трубку, очнулся и с удивлением вспомнил, что он уже совсем пообедал, решительно проглядев, как это сделалось. В комнате потемнело; на душе его пусто и грустно; целое царство мечтаний рушилось вокруг него, рушилось без следа, без шума и треска, пронеслось, как сновидение, а он и сам не помнит, что ему грезилось.

But fancy catches up in its playful flight the old woman, the curious passers-by, and the laughing child, and the peasants spending their nights in their barges on Fontanka (our hero, let us suppose, is walking along the canal-side at that moment), and capriciously weaves every one and everything into the canvas like a fly in a spider's web. And it is only after the queer fellow has returned to his comfortable den with fresh stores for his mind to work on, has sat down and finished his dinner, that he comes to himself, when Matrona who waits upon him—always thoughtful and depressed—clears the table and gives him his pipe; he comes to himself then and recalls with surprise that he has dined, though he has absolutely no notion how it has happened. It has grown dark in the room; his soul is sad and empty; the whole kingdom of fancies drops to pieces about him, drops to pieces without a trace, without a sound, floats away like a dream, and he cannot himself remember what he was dreaming.

Но какое-то темное ощущение, от которого слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое желание соблазнительно щекочет и раздражает его фантазию и незаметно сзывает целый рой новых призраков. В маленькой комнате царствует тишина; уединение и лень нежат воображение; оно воспламеняется слегка, слегка закипает, как вода в кофейнике старой Матрены, которая безмятежно возится рядом, в кухне, стряпая свой кухарочный кофе. Вот оно уже слегка прорывается вспышками, вот уже и книга, взятая без цели и наудачу, выпадает из рук моего мечтателя, не дошедшего и до третьей страницы. Воображение его снова настроено, возбуждено и вдруг опять новый мир, новая, очаровательная жизнь блеснула перед ним в блестящей своей перспективе. Новый сон -- новое счастье! Новый прием утонченного, сладострастного яда! О, что ему в нашей действительной жизни. На его подкупленный взгляд, мы с вами, Настенька, живем так лениво, медленно, вяло; на его взгляд, мы все так недовольны нашею судьбою, так томимся нашею жизнью!

But a vague sensation faintly stirs his heart and sets it aching, some new desire temptingly tickles and excites his fancy, and imperceptibly evokes a swarm of fresh phantoms. Stillness reigns in the little room; imagination is fostered by solitude and idleness; it is faintly smouldering, faintly simmering, like the water with which old Matrona is making her coffee as she moves quietly about in the kitchen close by. Now it breaks out spasmodically; and the book, picked up aimlessly and at random, drops from my dreamer's hand before he has reached the third page. His imagination is again stirred and at work, and again a new world, a new fascinating life opens vistas before him. A fresh dream—fresh happiness! A fresh rush of delicate, voluptuous poison! What is real life to him! To his corrupted eyes we live, you and I, Nastenka, so torpidly, slowly, insipidly; in his eyes we are all so dissatisfied with our fate, so exhausted by our life!

Да и вправду, смотрите, в самом деле, как на первый взгляд всё между нами холодно, угрюмо, точно сердито... "Бедные!" -- думает мой мечтатель. Да и не

диво, что думает! Посмотрите на эти волшебные призраки, которые так очаровательно, так прихотливо, так безбрежно и широко слагаются перед ним в такой волшебной, одушевленной картине, где на первом плане, первым лицом, уж конечно, он сам, наш мечтатель, своею дорогою особою. Посмотрите, какие разнообразные приключения, какой бесконечный рой Восторженных грез. Вы спросите, может быть, о чем он мечтает? К чему это спрашивать! да обо всем... об роли поэта, сначала не признанного, а потом увенчанного; о дружбе с Гофманом; Варфоломеевская ночь, Диана Вернон, геройская роль при взятии Казани Иваном Васильевичем, Клара Мовбрай, Евфия Денс, собор прелатов и Гус перед ними, восстание мертвецов в "Роберте" (помните музыку? кладбищем пахнет!),

And, truly, see how at first sight everything is cold, morose, as though ill-humoured among us.... Poor things! thinks our dreamer. And it is no wonder that he thinks it! Look at these magic phantasms, which so enchantingly, so whimsically, so carelessly and freely group before him in such a magic, animated picture, in which the most prominent figure in the foreground is of course himself, our dreamer, in his precious person. See what varied adventures, what an endless swarm of ecstatic dreams. You ask, perhaps, what he is dreaming of. Why ask that? —why, of everything... of the lot of the poet, first unrecognized, then crowned with laurels; of friendship with Hoffmann, St. Bartholomew's Night, of Diana Vernon, of playing the hero at the taking of Kazan by Ivan Vassilyevitch, of Clara Mowbray, of Effie Deans, of the council of the prelates and Huss before them, of the rising of the dead in 'Robert the Devil' (do you remember the music, it smells of the churchyard!),

Минна и Бренда, сражение при Березине, чтение поэмы у графини В--й-Д--й, Дантон, Клеопатра e i suoi amanti [и ее любовники (итал.)], домик в Коломне, свой уголок, а подле милое создание, которое слушает вас в зимний вечер, раскрыв ротик и глазки, как слушаете вы теперь меня, мой маленький ангельчик... Нет, Настенька, что ему, что ему, сладострастному ленивцу, в той жизни, в которую нам так хочется с вами? он думает, что это бедная, жалкая жизнь, не предугадывая, что и для него, может быть, когда-нибудь пробьет грустный час, когда он за один день этой жалкой жизни отдаст все свои фантастические годы, и еще не за радость, не за счастье отдаст, и выбирать не захочет в тот час грусти, раскаяния и невозбранного горя. Но покамест еще не настало оно, это грозное время, -- он ничего не желает, потому что он выше желаний, потому что с ним всё, потому что он пресыщен, потому что он сам художник своей жизни и творит ее себе каждый час по новому произволу. И ведь так легко, так натурально создается этот сказочный, фантастический мир!

of Minna and Brenda, of the battle of Berezina, of the reading of a poem at Countess V. D.'s, of Danton, of Cleopatra ei suoi amanti, of a little house in Kolomna, of a little home of one's own and beside one a dear creature who listens to one on a winter's evening, opening her little mouth and eyes as you are listening to me now, my angel.... No, Nastenka, what is there, what is there for him, voluptuous sluggard, in this life, for which you and I have such a longing? He thinks that this is a poor pitiful life, not foreseeing that for him too, maybe, sometime the mournful hour may strike, when for one day of that pitiful life he would give all his years of phantasy, and would give them not only for joy and for happiness, but without caring to make distinctions in that hour of sadness, remorse

and unchecked grief. But so far that threatening has not arrived—he desires nothing, because he is superior to all desire, because he has everything, because he is satiated, because he is the artist of his own life, and creates it for himself every hour to suit his latest whim. And you know this fantastic world of fairyland is so easily, so naturally created!

Как будто и впрямь всё это не призрак! Право, верить готов в иную минуту, что вся эта жизнь не возбуждения чувства, не мираж, не обман воображения, а что это и впрямь действительное, настоящее, сущее! Отчего ж, скажите, Настенька, отчего же в такие минуты стесняется дух? отчего же каким-то волшебством, по какому-то неведомому произволу ускоряется пульс, брызжут слезы из глаз мечтателя, горят его бледные, увлажненные щеки и такой неотразимой отрадой наполняется всё существование его? Отчего же целые бессонные ночи проходят как один миг, в неистощимом веселии и счастии, и когда заря блеснет розовым лучом в окна и рассвет осветит угрюмую комнату своим сомнительным фантастическим светом, как у нас, в Петербурге, наш мечтатель, утомленный, измученный, бросается на постель и засыпает в замираниях от восторга своего болезненно-потрясенного духа и с такою томительно-сладкою болью в сердце?

As though it were not a delusion! Indeed, he is ready to believe at some moments that all this life is not suggested by feeling, is not mirage, not a delusion of the imagination, but that it is concrete, real, substantial! Why is it, Nastenka, why is it at such moments one holds one's breath? Why, by what sorcery, through what incomprehensible caprice, is the pulse quickened, does a tear start from the dreamer's eye, while his pale moist cheeks glow, while his whole being is suffused with an inexpressible sense of consolation? Why is it that whole sleepless nights pass like a flash in inexhaustible gladness and happiness, and when the dawn gleams rosy at the window and daybreak floods the gloomy room with uncertain, fantastic light, as in Petersburg, our dreamer, worn out and exhausted, flings himself on his bed and drops asleep with thrills of delight in his morbidly overwrought spirit, and with a weary sweet ache in his heart?

Да, Настенька, обманешься и невольно вчуже согласишься, что страсть настоящая, истинная волнует душу его, невольно согласишься, что есть живое, осязаемое в его бесплотных грезах! И ведь какой обман -- вот, например, любовь сошла в его грудь со всею неистощимою радостью, со всеми томительными мучениями... Только взгляните на него и убедитесь! Верите ли вы, на него глядя, милая Настенька, что действительно он никогда не знал той, которую он так любил в своем иступленном мечтании? Неужели он только и видел ее в одних обольстительных призраках и только лишь снилась ему эта страсть? Неужели и впрямь не прошли они рука в руку столько годов своей жизни -- одни, вдвоем, отбросив весь мир и соединив каждый свой мир, свою жизнь с жизнью друга? Неужели не она, в поздний час, когда настала разлука, не она лежала, рыдая и тоскуя, на груди его, не слыша бури, разыгравшейся под суровым небом, не слыша ветра, который срывал и уносил слезы с черных ресниц ее?

Yes, Nastenka, one deceives oneself and unconsciously believes that real true passion is stirring one's soul; one unconsciously believes that there is something living, tangible in one's immaterial dreams! And is it delusion? Here love, for

instance, is bound up with all its fathomless joy, all its torturing agonies in his bosom.... Only look at him, and you will be convinced! Would you believe, looking at him, dear Nastenka, that he has never known her whom he loves in his ecstatic dreams? Can it be that he has only seen her in seductive visions, and that this passion has been nothing but a dream? Surely they must have spent years hand in hand together—alone the two of them, casting off all the world and each uniting his or her life with the other's? Surely when the hour of parting came she must have lain sobbing and grieving on his bosom, heedless of the tempest raging under the sullen sky, heedless of the wind which snatches and bears away the tears from her black eyelashes?

Неужели всё это была мечта -- и этот сад, унылый, заброшенный и дикий, с дорожками, заросшими мхом, уединенный, угрюмый, где они так часто ходили вдвоем, надеялись, тосковали, любили, любили друг друга так долго, "так долго и нежно"! И этот странный, прадедовский дом, в котором жила она столько времени уединенно и грустно с старым, угрюмым мужем, вечно молчаливым и желчным, пугавшим их, робких, как детей, уныло и боязливо таивших друг от друга любовь свою? Как они мучились, как боялись они, как невинна, чиста была их любовь и как (уж разумеется, Настенька) злы были люди! И, боже мой, неужели не ее встретил он потом, далеко от берегов своей родины, под чужим небом, полуденным, жарким, в дивном вечном городе, в блеске бала, при громе музыки, в палаццо (непременно в палаццо), потонувшем в море, огней, на этом балконе, увитом миртом и розами, где она, узнав его, так поспешно сняла свою маску и, прошептав:

Can all of that have been a dream—and that garden, dejected, forsaken, run wild, with its little moss-grown paths, solitary, gloomy, where they used to walk so happily together, where they hoped, grieved, loved, loved each other so long, "so long and so fondly? " And that queer ancestral house where she spent so many years lonely and sad with her morose old husband, always silent and splenetic, who frightened them, while timid as children they hid their love from each other? What torments they suffered, what agonies of terror, how innocent, how pure was their love, and how (I need hardly say, Nastenka) malicious people were! And, good Heavens! surely he met her afterwards, far from their native shores, under alien skies, in the hot south in the divinely eternal city, in the dazzling splendour of the ball to the crash of music, in a palazzo (it must be in a palazzo), drowned in a sea of lights, on the balcony, wreathed in myrtle and roses, where, recognizing him, she hurriedly removes her mask and whispering,

"Я свободна", задрожав, бросилась в его объятия, и, вскрикнув от восторга, прижавшись друг к другу, они в один миг забыли и горе, и разлуку, и все мучения, и угрюмый дом, и старика, и мрачный сад в далекой родине, и скамейку, на которой, с последним страстным поцелуем, она вырвалась из занемевших в отчаянной муке объятий его... О, согласитесь, Настенька, что вспорхнешься, смутишься и покраснееешь, как школьник, только что запихавший в карман украденное из соседнего сада яблоко, когда какой-нибудь длинный, здоровый парень, весельчак и балагур, ваш незванный приятель, отворит вашу дверь и крикнет, как будто ничего не бывало: "А я, брат, сию минуту из Павловска! " Боже мой! старый граф умер, настает неизреченное счастье, -- тут люди приезжают из Павловска!

'I am free, ' flings herself trembling into his arms, and with a cry of rapture, clinging to one another, in one instant they forget their sorrow and their parting and all their agonies, and the gloomy house and the old man and the dismal garden in that distant land, and the seat on which with a last passionate kiss she tore herself away from his arms numb with anguish and despair.... Oh, Nastenka, you must admit that one would start, betray confusion, and blush like a schoolboy who has just stuffed in his pocket an apple stolen from a neighbour's garden, when your uninvited visitor, some stalwart, lanky fellow, a festive soul fond of a joke, opens your door and shouts out as though nothing were happening: 'My dear boy, I have this minute come from Pavlovsk.' My goodness! the old count is dead, unutterable happiness is close at hand—and people arrive from Pavlovsk! "

Я патетически замолчал, кончив мои патетические возгласы. Помню, что мне ужасно хотелось как-нибудь через силу захохотать, потому что я уже чувствовал, что во мне зашевелился какой-то враждебный бесенок, что мне уже начинало захватывать горло, подергивать подбородок и что всё более и более влажнели глаза мои... Я ожидал, что Настенька, которая слушала меня, открыв свои умные глазки, захохочет всем своим детским, неудержимо-веселым смехом, и уже раскаивался, что зашел далеко, что напрасно рассказал то, что уже давно накопилось в моем сердце, о чем я мог говорить как пописаному, потому что уже давно приготовил я над самим собой приговор, и теперь не удержался, чтоб не прочесть его, признаться, не ожидая, что меня поймут; но, к удивлению моему, она промолчала, погодя немного слегка пожала мне руку и с каким-то робким участием спросила:

-- Неужели и в самом деле вы так прожили всю свою жизнь?

Finishing my pathetic appeal, I paused pathetically. I remembered that I had an intense desire to force myself to laugh, for I was already feeling that a malignant demon was stirring within me, that there was a lump in my throat, that my chin was beginning to twitch, and that my eyes were growing more and more moist.

I expected Nastenka, who listened to me opening her clever eyes, would break into her childish, irrepressible laugh; and I was already regretting that I had gone so far, that I had unnecessarily described what had long been simmering in my heart, about which I could speak as though from a written account of it, because I had long ago passed judgment on myself and now could not resist reading it, making my confession, without expecting to be understood; but to my surprise she was silent, waiting a little, then she faintly pressed my hand and with timid sympathy asked—

"Surely you haven't lived like that all your life? "

-- Всю жизнь, Настенька, -- отвечал я, -- всю жизнь, и, кажется, так и окончу!

"All my life, Nastenka, " I answered; "all my life, and it seems to me I shall go on so to the end."

-- Нет, этого нельзя, -- сказала она беспокойно, -- этого не будет; этак, пожалуй, и я проживу всю жизнь подле бабушки. Послушайте, знаете ли, что это вовсе нехорошо так жить?

"No, that won't do, " she said uneasily, "that must not be; and so, maybe, I shall spend all my life beside grandmother. Do you know, it is not at all good to live like that? "

-- Знаю, Настенька, знаю! -- вскричал я, не удерживая более своего чувства. -- И теперь знаю больше, чем когда-нибудь, что я даром потерял все свои лучшие годы! Теперь это я знаю, и чувствую больнее от такого сознания, потому что сам бог послал мне вас, моего доброго ангела, чтоб сказать мне это и доказать. Теперь, когда я сижу подле вас и говорю с вами, мне уж и страшно подумать о будущем, потому что в будущем -- опять одиночество опять эта затхлая, ненужная жизнь; и о чем мечтать будет мне, когда я уже наяву подле вас был так счастлив! О, будьте благословенны, вы, милая девушка, за то, что не отвергли меня с первого раза, за то, что уже я могу сказать, что я жил хоть два вечера в моей жизни!

"I know, Nastenka, I know! " I cried, unable to restrain my feelings longer. "And I realize now, more than ever, that I have lost all my best years! And now I know it and feel it more painfully from recognizing that God has sent me you, my good angel, to tell me that and show it. Now that I sit beside you and talk to you it is strange for me to think of the future, for in the future—there is loneliness again, again this musty, useless life; and what shall I have to dream of when I have been so happy in reality beside you! Oh, may you be blessed, dear girl, for not having repulsed me at first, for enabling me to say that for two evenings, at least, I have lived."

-- Ох, нет, нет! -- закричала Настенька, и слезинки заблестали на глазах ее, -- нет, так не будет больше; мы так не расстанемся! Что такое два вечера!

"Oh, no, no! " cried Nastenka and tears glistened in her eyes. "No, it mustn't be so any more; we must not part like that! what are two evenings? "

-- Ох, Настенька, Настенька! знаете ли, как надолго вы помирили меня с самим собою? знаете ли, что уже я теперь не буду о себе думать так худо, как думал в иные минуты? Знаете ли, что уже я, может быть, не буду более тосковать о том, что сделал преступление и грех в моей жизни, потому что такая жизнь есть преступление и грех? И не думайте, чтоб я вам преувеличивал что-нибудь, ради бога, не думайте этого, Настенька, потому что на меня иногда находят минуты такой тоски, такой тоски... Потому что мне уже начинает казаться в эти минуты, что я никогда не способен начать жить настоящею жизнью; потому что мне уже казалось, что я потерял всякий такт, всякое чутье в настоящем, действительном; потому что, наконец, я проклинал сам себя; потому что после моих фантастических ночей на меня уже находят минуты отрезвления, которые ужасны

"Oh, Nastenka, Nastenka! Do you know how far you have reconciled me to myself? Do you know now that I shall not think so ill of myself, as I have at some moments? Do you know that, maybe, I shall leave off grieving over the crime and sin of my life? for such a life is a crime and a sin. And do not imagine that I have been exaggerating anything—for goodness' sake don't think that, Nastenka: for at times such misery comes over me, such misery.... Because it begins to seem to me

at such times that I am incapable of beginning a life in real life, because it has seemed to me that I have lost all touch, all instinct for the actual, the real; because at last I have cursed myself; because after my fantastic nights I have moments of returning sobriety, which are awful!

Между тем слышишь, как кругом тебя гремит и кружится в жизненном вихре людская толпа, слышишь, видишь, как живут люди, -- живут наяву, видишь, что жизнь для них не заказана, что их жизнь не разлетится, как сон, как видение, что их жизнь вечно обновляющаяся, вечно юная и ни один час ее не похож на другой, тогда как уныла и до пошлости однообразна пуглива фантазия, раба тени, идеи, раба первого облака, которое внезапно застелет солнце и сожмет тоскою настоящее петербургское сердце, которое так дорожит своим солнцем, -- а уж в тоске какая фантазия! Чувствуешь, что она наконец устает, истощается в вечном напряжении, эта неистощимая фантазия, потому что ведь мужаемь, выживаемь из прежних своих идеалов: они разбиваются в пыль в обломки; если ж нет другой жизни, так приходится строить ее из этих же обломков. А между тем чего-то другого просит и хочет душа

Meanwhile, you hear the whirl and roar of the crowd in the vortex of life around you; you hear, you see, men living in reality; you see that life for them is not forbidden, that their life does not float away like a dream, like a vision; that their life is being eternally renewed, eternally youthful, and not one hour of it is the same as another; while fancy is so spiritless, monotonous to vulgarity and easily scared, the slave of shadows, of the idea, the slave of the first cloud that shrouds the sun, and overcasts with depression the true Petersburg heart so devoted to the sun—and what is fancy in depression! One feels that this inexhaustible fancy is weary at last and worn out with continual exercise, because one is growing into manhood, outgrowing one's old ideals: they are being shattered into fragments, into dust; if there is no other life one must build one up from the fragments. And meanwhile the soul longs and craves for something else!

И напрасно мечтатель роется, как в золе, в своих старых мечтаниях, ища в этой золе хоть какой-нибудь искорки, чтоб раздуть ее, возобновленным огнем пригреть похолодевшее сердце и воскресить в нем снова всё, что было прежде так мило, что трогало душу, что кипятило кровь, что вырывало слезы из глаз и так роскошно обманывало! Знаете ли, Настенька, до чего я дошел? знаете ли, что я уже принужден справлять годовщину своих ощущений, годовщину того, что было прежде так мило, чего в сущности никогда не бывало, -- потому что эта годовщина справляется всё по тем же глупым, бесплотным мечтаниям, -- и делать это, потому что и этих-то глупых мечтаний нет, затем что нечем их выжить: ведь и мечты выживаются!

And in vain the dreamer rakes over his old dreams, as though seeking a spark among the embers, to fan them into flame, to warm his chilled heart by the rekindled fire, and to rouse up in it again all that was so sweet, that touched his heart, that set his blood boiling, drew tears from his eyes, and so luxuriously deceived him! Do you know, Nastenka, the point I have reached? Do you know that I am forced now to celebrate the anniversary of my own sensations, the anniversary of that which was once so sweet, which never existed in reality—for this anniversary is kept in memory of those same foolish, shadowy dreams—and to do

this because those foolish dreams are no more, because I have nothing to earn them with; you know even dreams do not come for nothing!

Знаете ли, что я люблю теперь припомнить и посетить в известный срок те места, где был счастлив когда-то по-своему, люблю построить свое настоящее под лад уже безвозвратно прошедшему и часто брожу как тень, без нужды и без цели, уныло и грустно до петербургским закоулкам и улицам. Какие всё воспоминания! Припоминается, например, что вот здесь ровно год тому назад, ровно в это же время, в этот же час, по этому же тротуару бродил так же одиноко, так же уныло, как и теперь! И припоминаешь, что и тогда мечты были грустны, и хоть и прежде было не лучше, но всё как-то чувствуешь, что как будто и легче, и покойнее было жить, что не было этой черной думы, которая теперь привязалась ко мне; что не было этих угрызений совести, угрызений мрачных, угрюмых, которые ни днем, ни ночью теперь не дают покоя. И спрашиваешь себя: где же мечты твои? и покачиваешь головою, говоришь: как быстро летят годы! И опять спрашиваешь себя: что же ты сделал с своими годами? куда ты схоронил свое лучшее время?

Do you know that I love now to recall and visit at certain dates the places where I was once happy in my own way? I love to build up my present in harmony with the irrevocable past, and I often wander like a shadow, aimless, sad and dejected, about the streets and crooked lanes of Petersburg. What memories they are! To remember, for instance, that here just a year ago, just at this time, at this hour, on this pavement, I wandered just as lonely, just as dejected as to-day. And one remembers that then one's dreams were sad, and though the past was no better one feels as though it had somehow been better, and that life was more peaceful, that one was free from the black thoughts that haunt one now; that one was free from the gnawing of conscience—the gloomy, sullen gnawing which now gives me no rest by day or by night. And one asks oneself where are one's dreams. And one shakes one's head and says how rapidly the years fly by! And again one asks oneself what has one done with one's years. Where have you buried your best days?

Ты жил или нет? Смотри, говоришь себе, смотри, как на свете становится холодно. Еще пройдут годы, и за ними придет угрюмое одиночество, придет с клюкой трясущая старость, а за ними тоска и уныние. Побледнеет твой фантастический мир, замрут, увянут мечты твои и осыплются, как желтые листья с деревьев... О, Настенька! ведь грустно будет оставаться одному, одному совершенно, и даже не иметь чего пожалеть -- ничего, ровно ничего... потому что всё, что потерял-то, всё это, всё было ничто, глупый, круглый нуль, было одно лишь мечтанье!

Have you lived or not? Look, one says to oneself, look how cold the world is growing. Some more years will pass, and after them will come gloomy solitude; then will come old age trembling on its crutch, and after it misery and desolation. Your fantastic world will grow pale, your dreams will fade and die and will fall like the yellow leaves from the trees.... Oh, Nastenka! you know it will be sad to be left alone, utterly alone, and to have not even anything to regret—nothing, absolutely nothing... for all that you have lost, all that, all was nothing, stupid, simple nullity, there has been nothing but dreams! "

-- Ну, не разжалобливайте меня больше! -- проговорила Настенька, утирая слезинку, которая выкатилась из глаз ее. -- Теперь кончено! Теперь мы будем вдвоем; теперь, что ни случись со мной, уж мы никогда не расстанемся. Послушайте. Я простая девушка, я мало училась, хотя мне бабушка и нанимала учителя; но, право, я вас понимаю, потому что всё, что вы мне пересказали теперь, я уж сама прожила, когда бабушка меня пришила к платью. Конечно, я бы так не рассказала хорошо, как вы рассказали, я не училась, -- робко прибавила она, потому что всё еще чувствовала какое-то уважение к моей патетической речи и к моему высокому слогу, -- но я очень рада, что вы совершенно открылись мне. Теперь я вас знаю, совсем, всего знаю. И знаете что? я вам хочу рассказать и свою историю, всю без утайки, а вы мне после за то дадите совет. Вы очень умный человек; обещаетесь ли вы, что вы дадите мне этот совет?

"Come, don't work on my feelings any more, " said Nastenka, wiping away a tear which was trickling down her cheek. "Now it's over! Now we shall be two together. Now, whatever happens to me, we will never part. Listen; I am a simple girl, I have not had much education, though grandmother did get a teacher for me, but truly I understand you, for all that you have described I have been through myself, when grandmother pinned me to her dress. Of course, I should not have described it so well as you have; I am not educated, " she added timidly, for she was still feeling a sort of respect for my pathetic eloquence and lofty style; "but I am very glad that you have been quite open with me. Now I know you thoroughly, all of you. And do you know what? I want to tell you my history too, all without concealment, and after that you must give me advice. You are a very clever man; will you promise to give me advice? "

-- Ах, Настенька, -- отвечал я, -- я хоть и никогда не был советником, и тем более умным советником, но теперь вижу, что если мы всегда будем так жить, то это будет как-то очень умно и каждый друг другу надает премного умных советов! Ну, хорошенькая моя Настенька, какой же вам совет? Говорите мне прямо; я теперь так весел, счастлив, смел и умен, что за словом не полезу в карман.

"Ah, Nastenka, " I cried, "though I have never given advice, still less sensible advice, yet I see now that if we always go on like this that it will be very sensible, and that each of us will give the other a great deal of sensible advice! Well, my pretty Nastenka, what sort of advice do you want? Tell me frankly; at this moment I am so gay and happy, so bold and sensible, that it won't be difficult for me to find words."

-- Нет, нет! -- перебила Настенька засмеявшись, -- мне нужен не один умный совет, мне нужен совет сердечный, братский, так, как бы вы уже век свой любили меня!

"No, no! " Nastenka interrupted, laughing. "I don't only want sensible advice, I want warm brotherly advice, as though you had been fond of me all your life! "

-- Идет, Настенька, идет! -- закричал я в восторге, -- и если б я уже двадцать лет вас любил, то все-таки не любил бы сильнее теперешнего!

"Agreed, Nastenka, agreed! " I cried delighted; "and if I had been fond of you for twenty years, I couldn't have been fonder of you than I am now."

-- Руку вашу! -- сказала Настенька.

"Your hand, " said Nastenka.

-- Вот она! -- отвечал я, подавая ей руку.

"Here it is, " said I, giving her my hand.

-- Итак, начнемте мою историю!

"And so let us begin my history! "

NASTENKA'S HISTORY

ИСТОРИЯ НАСТЕНЬКИ

"Half my story you know already—that is, you know that I have an old grandmother...."

-- Половину истории вы уже знаете, то есть вы знаете что у меня есть старая бабушка...

-- Если другая половина так же недолга, как и эта... -- перебил было я засмеявшись.

"If the other half is as brief as that..." I interrupted, laughing.

-- Молчите и слушайте. Прежде всего уговор: не перебивать меня, а не то я, пожалуй, собьюсь. Ну, слушайте же смирно.

"Be quiet and listen. First of all you must agree not to interrupt me, or else, perhaps I shall get in a muddle! Come, listen quietly.

Есть у меня старая бабушка. Я к ней попала еще очень маленькой девочкой, потому что у меня умерли и мать и отец. Надо думать, что бабушка была прежде богаче, потому что и теперь вспоминает о лучших днях. Она же меня выучила по-французски и потом наняла мне учителя. Когда мне было пятнадцать лет (а теперь мне семнадцать), учиться мы кончили.

"I have an old grandmother. I came into her hands when I was quite a little girl, for my father and mother are dead. It must be supposed that grandmother was once richer, for now she recalls better days. She taught me French, and then got a teacher for me. When I was fifteen (and now I am seventeen) we gave up having lessons.

Вот в это время я и нашла; уж что я сделала -- я вам не скажу; довольно того, что проступок был небольшой. Только бабушка подозвала меня к себе в одно утро и сказала, что так как она слепа, то за мной не усмотрит, взяла булавку и пришила мое платье к своему, да тут и сказала, что так мы будем всю жизнь сидеть, если, разумеется, я не сделаюсь лучше. Одним словом, в первое время отойти никак нельзя было: и работай, и читай, и учись -- всё подле бабушки. Я было попробовала схитрить один раз и уговорила сестру на мое место Феклу. Фекла -- наша работница, она глуха. Фекла села вместо меня; бабушка в это время заснула в креслах, а я отправилась недалеко к подруге. Ну, худо и кончилось. Бабушка без меня проснулась и о чем-то спросила, думая, что я всё еще сижу смирно на месте. Фекла-то видит, что бабушка спрашивает, а сама не слышит про что, думала, думала, что ей делать, отстегнула булавку да и пустилась бежать...

It was at that time that I got into mischief; what I did I won't tell you; it's enough to say that it wasn't very important. But grandmother called me to her one morning and said that as she was blind she could not look after me; she took a pin and pinned my dress to hers, and said that we should sit like that for the rest of our lives

if, of course, I did not become a better girl. In fact, at first it was impossible to get away from her: I had to work, to read and to study all beside grandmother. I tried to deceive her once, and persuaded Fekla to sit in my place. Fekla is our charwoman, she is deaf. Fekla sat there instead of me; grandmother was asleep in her armchair at the time, and I went off to see a friend close by. Well, it ended in trouble. Grandmother woke up while I was out, and asked some questions; she thought I was still sitting quietly in my place. Fekla saw that grandmother was asking her something, but could not tell what it was; she wondered what to do, undid the pin and ran away...."

Тут Настенька остановилась и начала хохотать. Я засмеялся вместе с нею. Она тотчас же перестала.

At this point Nastenka stopped and began laughing. I laughed with her. She left off at once.

-- Послушайте, вы не смейтесь над бабушкой. Это я смеюсь, оттого что смешно... Что же делать, когда бабушка, право, такая, а только я ее все-таки немножко люблю. Ну, да тогда и досталось мне: тотчас меня опять посадили на место и уж ни-ни, шевельнуться было нельзя.

"I tell you what, don't you laugh at grandmother. I laugh because it's funny.... What can I do, since grandmother is like that; but yet I am fond of her in a way. Oh, well, I did catch it that time. I had to sit down in my place at once, and after that I was not allowed to stir.

Ну-с, я вам еще позабыла сказать, что у нас, то есть у бабушки, свой дом, то есть маленький домик, всего три окна, совсем деревянный и такой же старый, как бабушка; а наверху мезонин; вот и переехал к нам в мезонин новый жилец...

"Oh, I forgot to tell you that our house belongs to us, that is to grandmother; it is a little wooden house with three windows as old as grandmother herself, with a little upper storey; well, there moved into our upper storey a new lodger."

-- Стало быть, был и старый жилец? -- заметил я мимоходом.

"Then you had an old lodger, " I observed casually.

-- Уж конечно, был, -- отвечала Настенька, -- и который умел молчать лучше вас. Правда, уж он едва языком ворочал. Это был старичок, сухой, немой, слепой, хромой, так что наконец ему стало нельзя жить на свете, он и умер; а затем и понадобился новый жилец, потому что нам без жилья жить нельзя: это с бабушкиным пенсионом почти весь наш доход. Новый жилец как нарочно был молодой человек, нездешний, заезжий. Так как он не торговался, то бабушка и пустила его, а потом и спрашивает: "Что, Настенька, наш жилец молодой или нет? " Я солгать не хотела: "Так, говорю, бабушка, не то чтоб совсем молодой, а так, не старик". "Ну, и приятной наружности? " -- спрашивает бабушка.

"Yes, of course, " answered Nastenka, "and one who knew how to hold his tongue better than you do. In fact, he hardly ever used his tongue at all. He was a dumb, blind, lame, dried-up little old man, so that at last he could not go on living, he died; so then we had to find a new lodger, for we could not live without a lodger—the rent, together with grandmother's pension, is almost all we have. But the new lodger, as luck would have it, was a young man, a stranger not of these parts. As he did not haggle over the rent, grandmother accepted him, and only afterwards she asked me: 'Tell me, Nastenka, what is our lodger like—is he young or old?' I did not want to lie, so I told grandmother that he wasn't exactly young and that he wasn't old.

"And is he pleasant looking?' asked grandmother.

Я опять лгать не хочу. "Да, приятной, говорю, наружности, бабушка! " А бабушка говорит: "Ах! наказание, наказание! Я это, внучка, тебе для того говорю, чтоб ты на него не засматривалась. Экой век какой! поди, такой мелкий жилец, а ведь тоже приятной наружности: не то в старину! "

"Again I did not want to tell a lie: 'Yes, he is pleasant looking, grandmother, ' I said. And grandmother said: 'Oh, what a nuisance, what a nuisance! I tell you this, grandchild, that you may not be looking after him. What times these are! Why a paltry lodger like this, and he must be pleasant looking too; it was very different in the old days! '"

А бабушке всё бы в старину! И моложе-то она была в старину, и солнце-то было в старину теплее, и сливки в старину не так скоро кисли -- всё в старину! Вот я сижу и молчу, а про себя думаю: что же это бабушка сама меня надоумливает, спрашивает, хорош ли, молод ли жилец? Да только так, только подумала, и тут же стала опять петли считать, чулок вязать, а потом совсем позабыла.

"Grandmother was always regretting the old days—she was younger in old days, and the sun was warmer in old days, and cream did not turn so sour in old days—it was always the old days! I would sit still and hold my tongue and think to myself: why did grandmother suggest it to me? Why did she ask whether the lodger was young and good-looking? But that was all, I just thought it, began counting my stitches again, went on knitting my stocking, and forgot all about it.

Вот раз поутру к нам и приходит жилец, спросить о том, что ему комнату обещали обоями оклеить. Слово за слово, бабушка же болтлива, и говорит: "Сходи, Настенька, ко мне в спальню, принеси счета". Я тотчас же вскочила, вся, не знаю отчего, покраснела, да и позабыла, что сижу пришивленная; нет, чтоб тихонько отшпилить чтобы жилец не видал, -- рванулась так, что бабушкино кресло поехало. Как я увидела, что жилец всё теперь узнал про меня, покраснела, стала на месте как вкопанная да вдруг и заплакала, -- так стыдно и горько стало в эту минуту, что хоть на свет не глядеть! Бабушка кричит: "Что ж ты стоишь? " -- а я еще пуще... Жилец, как увидел, увидел, что мне его стыдно стало, отклонялся и тотчас ушел!

"Well, one morning the lodger came in to see us; he asked about a promise to paper his rooms. One thing led to another. Grandmother was talkative, and she said: 'Go,

Nastenka, into my bedroom and bring me my reckoner.' I jumped up at once; I blushed all over, I don't know why, and forgot I was sitting pinned to grandmother; instead of quietly undoing the pin, so that the lodger should not see—I jumped so that grandmother's chair moved. When I saw that the lodger knew all about me now, I blushed, stood still as though I had been shot, and suddenly began to cry—I felt so ashamed and miserable at that minute, that I didn't know where to look! Grandmother called out, 'What are you waiting for? ' and I went on worse than ever. When the lodger saw, saw that I was ashamed on his account, he bowed and went away at once!

С тех пор я, чуть шум в сенях, как мертвая. Вот, думаю, жилец идет, да потихоньку на всякий случай и отшпилю булавку. Только всё был не он, не приходил. Про шло две недели; жилец и присылает сказать с Феклой что у него книг много французских и что всё хороши книги, так что можно читать; так не хочет ли бабушка чтоб я их ей почитала, чтоб не было скучно? Бабушка согласилась с благодарностью, только всё спрашивала нравственные книги или нет, потому что если книги безнравственные, так тебе, говорит, Настенька, читать никак нельзя, ты дурному научишься.

"After that I felt ready to die at the least sound in the passage. 'It's the lodger, ' I kept thinking; I stealthily undid the pin in case. But it always turned out not to be, he never came. A fortnight passed; the lodger sent word through Fyokla that he had a great number of French books, and that they were all good books that I might read, so would not grandmother like me to read them that I might not be dull? Grandmother agreed with gratitude, but kept asking if they were moral books, for if the books were immoral it would be out of the question, one would learn evil from them."

-- А чему ж научусь, бабушка? Что там написано?

"And what should I learn, grandmother? What is there written in them? "

-- А! говорит, описано в них, как молодые люди соблазняют благонравных девиц, как они, под предлогом того, что хотят их взять за себя, увозят их из дому родительского, как потом оставляют этих несчастных девиц на волю судьбы и они погибают самым плачевным образом. Я, говорит бабушка, много таких книжек читала, и всё, говорит, так прекрасно описано, что ночь сидишь, тихонько читаешь. Так ты, говорит, Настенька, смотри, их не прочти. Каких это, говорит, он книг прислал?

"Ah, ' she said, 'what's described in them, is how young men seduce virtuous girls; how, on the excuse that they want to marry them, they carry them off from their parents' houses; how afterwards they leave these unhappy girls to their fate, and they perish in the most pitiful way. I read a great many books, ' said grandmother, 'and it is all so well described that one sits up all night and reads them on the sly. So mind you don't read them, Nastenka, ' said she. 'What books has he sent? "

-- А всё Вальтера Скотта романы, бабушка.

"They are all Walter Scott's novels, grandmother."

-- Вальтера Скотта романы! А полно, нет ли тут каких-нибудь шашней? Посмотри-ка, не положил ли он в них какой-нибудь любовной записочки?

"Walter Scott's novels! But stay, isn't there some trick about it? Look, hasn't he stuck a love-letter among them? "

-- Нет, говорю, бабушка, нет записки.

"No, grandmother, ' I said, 'there isn't a love-letter.'

-- Да ты под переплетом посмотри; они иногда в переплет запихают, разбойники!..

"But look under the binding; they sometimes stuff it under the bindings, the rascals! "

-- Нет, бабушка, и под переплетом нет ничего.

"No, grandmother, there is nothing under the binding.'

-- Ну то-то же!

"Well, that's all right.'

Вот мы и начали читать Вальтер-Скотта и в какой-нибудь месяц почти половину прочли. Потом он еще и еще присылал. Пушкина присылал, так что наконец я без книг и быть не могла и перестала думать, как бы выйти за китайского принца.

Так было дело, когда один раз мне случилось повстречаться с нашим жильцом на лестнице. Бабушка за чем-то послала меня. Он остановился, я покраснела, и он покраснел; однако засмеялся, поздоровался, о бабушкином здоровье спросил и говорит: "Что, вы книги прочли? " Я отвечала: "Прочла". "Что же, говорит, вам больше понравилось? " Я и говорю: ""Ивангое" да Пушкин больше всех понравились". На этот раз тем и кончилось.

Через неделю я ему опять попалась на лестнице. В этот раз бабушка не посылала, а мне самой надо было за чем-то. Был третий час, а жилец в это время домой приходил. "Здравствуйте! " -- говорит. Я ему: "Здравствуйте! "

"So we began reading Walter Scott, and in a month or so we had read almost half. Then he sent us more and more. He sent us Pushkin, too; so that at last I could not get on without a book and left off dreaming of how fine it would be to marry a Chinese Prince.

"That's how things were when I chanced one day to meet our lodger on the stairs. Grandmother had sent me to fetch something. He stopped, I blushed and he blushed; he laughed, though, said good-morning to me, asked after grandmother, and said, 'Well, have you read the books? ' I answered that I had. 'Which did you like best? ' he asked. I said, 'Ivanhoe, and Pushkin best of all, ' and so our talk ended for that time.

"A week later I met him again on the stairs. That time grandmother had not sent me, I wanted to get something for myself. It was past two, and the lodger used to

come home at that time. 'Good-afternoon, ' said he. I said good-afternoon, too.

-- А что, говорит, вам не скучно целый день сидеть вместе с бабушкой?

Как он это у меня спросил, я, уж не знаю отчего, покраснела, застыдилась, и опять мне стало обидно, видно оттого, что уж другие про это дело расспрашивать стали. Я уж было хотела не отвечать и уйти, да сил не было.

-- Послушайте, говорит, вы добрая девушка! Извините, что я с вами так говорю, но, уверяю вас, я вам лучше бабушки вашей желаю добра. У вас подруг нет никаких, к которым бы можно было в гости пойти?

Я говорю, что никаких, что была одна, Машенька, да и та в Псков уехала.

-- Послушайте, говорит, хотите со мною в театр поехать?

-- В театр? как же бабушка-то?

-- Да вы, говорит, тихонько от бабушки...

-- Нет, говорю, я бабушку обманывать не хочу. Прощайте-с!

-- Ну, прощайте, говорит, а сам ничего не сказал.

Только после обеда и приходит он к нам; сел, долго говорил с бабушкой, расспрашивал, что она, выезжает ли куда-нибудь, есть ли знакомые, -- да вдруг и говорит:

"Aren't you dull, ' he said, 'sitting all day with your grandmother? ' "

"When he asked that, I blushed, I don't know why; I felt ashamed, and again I felt offended—I suppose because other people had begun to ask me about that. I wanted to go away without answering, but I hadn't the strength.

"Listen, ' he said, 'you are a good girl. Excuse my speaking to you like that, but I assure you that I wish for your welfare quite as much as your grandmother. Have you no friends that you could go and visit? ' "

"I told him I hadn't any, that I had had no friend but Mashenka, and she had gone away to Pskov.

"Listen, ' he said, 'would you like to go to the theatre with me? ' "

"To the theatre. What about grandmother? ' "

"But you must go without your grandmother's knowing it, ' he said.

"No, ' I said, 'I don't want to deceive grandmother. Good-bye.'

"Well, good-bye, ' he answered, and said nothing more.

"Only after dinner he came to see us; sat a long time talking to grandmother; asked her whether she ever went out anywhere, whether she had acquaintances, and suddenly said:

"А сегодня я было ложу взял в оперу; "Севильского цирюльника" дают, знакомые ехать хотели, да потом отказались, у меня и остался билет на руках".

-- "Севильского цирюльника"! -- закричала бабушка, -- да это тот самый "Цирюльник", которого в старину давали?

-- Да, говорит, это тот самый "Цирюльник", -- да и взглянул на меня. А я уж всё поняла, покраснела, и у меня сердце от ожидания запрыгало!

-- Да как же, говорит бабушка, как не знать. Я сама в старину на домашнем театре Розину играла!

-- Так не хотите ли ехать сегодня? -- сказал жилец. -- меня билет пропадает же даром.

-- Да, пожалуй, поедem, говорит бабушка, отчего же не поехать? А вот у меня Настенька в театре никогда не была.

Боже мой, какая радость! Тотчас же мы собрались, снарядились и поехали.

Бабушка хоть и слепа, а все-таки ей хотелось музыку слушать, да, кроме того, она старушка добрая: больше меня потешить хотела, сами-то мы никогда бы не собрались.

'I have taken a box at the opera for this evening; they are giving The Barber of Seville. My friends meant to go, but afterwards refused, so the ticket is left on my hands.' 'The Barber of Seville,' cried grandmother; 'why, the same they used to act in old days?'

"Yes, it's the same barber," he said, and glanced at me. I saw what it meant and turned crimson, and my heart began throbbing with suspense.

"To be sure, I know it," said grandmother; 'why, I took the part of Rosina myself in old days, at a private performance!'

"So wouldn't you like to go to-day?" said the lodger. 'Or my ticket will be wasted.'

"By all means let us go," said grandmother; why shouldn't we? And my Nastenka here has never been to the theatre.'

"My goodness, what joy! We got ready at once, put on our best clothes, and set off. Though grandmother was blind, still she wanted to hear the music; besides, she is a kind old soul, what she cared most for was to amuse me, we should never have gone of ourselves.

Уж какое было впечатление от "Севильского цирюльника", я вам не скажу, только во весь этот вечер жилец наш так хорошо смотрел на меня, так хорошо говорил, что я тотчас увидела, что он меня хотел испытать поутру, предложив, чтоб я одна с ним поехала. Ну, радость какая! Спать я легла такая гордая, такая веселая, так сердце билось, что сделалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о "Севильском цирюльнике".

Я думала, что после этого он всё будет заходить чаще и чаще, -- не тут-то было. Он почти совсем перестал. Так, один раз в месяц, бывало, зайдет, и то только с тем, чтоб в театр пригласить. Раза два мы опять потом съездили. Только уж этим я была совсем недовольна. Я видела, что ему просто жалко было меня за то, что я у бабушки в таком загоне, а больше-то и ничего. Дальше и дальше, и нашло на меня: и сидеть-то я не сижу, и читать-то я не читаю, и работать не работаю, иногда смеюсь и бабушке что-нибудь назло делаю, другой раз просто плачу. Наконец, я похудела и чуть было не стала больна.

"What my impressions of The Barber of Seville were I won't tell you; but all that evening our lodger looked at me so nicely, talked so nicely, that I saw at once that he had meant to test me in the morning when he proposed that I should go with him alone. Well, it was joy! I went to bed so proud, so gay, my heart beat so that I was a little feverish, and all night I was raving about The Barber of Seville.

"I expected that he would come and see us more and more often after that, but it wasn't so at all. He almost entirely gave up coming. He would just come in about once a month, and then only to invite us to the theatre. We went twice again. Only I wasn't at all pleased with that; I saw that he was simply sorry for me because I was so hardly treated by grandmother, and that was all. As time went on, I grew more and more restless, I couldn't sit still, I couldn't read, I couldn't work; sometimes I laughed and did something to annoy grandmother, at another time I would cry. At last I grew thin and was very nearly ill.

Оперный сезон прошел, и жилец к нам совсем перестал заходить; когда же мы встречались -- всё на той же лестнице, разумеется, -- он так молча поклонится, так серьезно, как будто и говорить не хочет, и уж сойдет совсем на крыльцо, а я всё еще стою на половине лестницы, красная как вишня, потому что у меня вся кровь начала бросаться в голову, когда я с ним повстречаюсь.

Теперь сейчас и конец. Ровно год тому, в мае месяце, жилец к нам приходит и говорит бабушке, что он выхлопотал здесь совсем свое дело и что должно ему опять уехать на год в Москву. Я, как услышала, побледнела и упала на стул как мертвая. Бабушка ничего не заметила, а он, объявив, что уезжает от нас, отклонялся нам и ушел.

Что мне делать? Я думала-думала, тосковала-тосковала, да наконец и решилась. Завтра ему уезжать, а я порешила, что всё кончу вечером, когда бабушка уйдет спать. Так и случилось. Я навязала в узелок всё, что было платьев, сколько нужно белья, и с узелком в руках, ни жива ни мертва, пошла в мезонин к нашему жильцу.

The opera season was over, and our lodger had quite given up coming to see us; whenever we met—always on the same staircase, of course—he would bow so silently, so gravely, as though he did not want to speak, and go down to the front door, while I went on standing in the middle of the stairs, as red as a cherry, for all the blood rushed to my head at the sight of him.

"Now the end is near. Just a year ago, in May, the lodger came to us and said to grandmother that he had finished his business here, and that he must go back to Moscow for a year. When I heard that, I sank into a chair half dead; grandmother did not notice anything; and having informed us that he should be leaving us, he bowed and went away.

"What was I to do? I thought and thought and fretted and fretted, and at last I made up my mind. Next day he was to go away, and I made up my mind to end it all that evening when grandmother went to bed. And so it happened. I made up all my clothes in a parcel—all the linen I needed—and with the parcel in my hand, more dead than alive, went upstairs to our lodger.

Думаю, я шла целый час по лестнице. Когда же отворила к нему, дверь, он так и вскрикнул, на меня глядя. Он думал, что я привидение, и бросился мне воды подать, потому что я едва стояла на ногах. Сердце так билось, что в голове больно было, и разум мой помутился. Когда же я очнулась, то начала прямо тем, что положила свой узелок к нему на постель, сама села подле, закрылась руками и заплакала в три ручья. Он, кажется, мигом всё понял и стоял передо мной бледный и так грустно глядел на меня, что во мне сердце надорвало.

-- Послушайте, -- начал он, -- послушайте, Настенька, я ничего не могу; я человек бедный; у меня покамест нет ничего, даже места порядочного; как же мы будем жить, если б я и женился на вас?

Мы долго говорили, но я наконец пришла в исступление, сказала, что не могу жить у бабушки, что убегу от нее, что не хочу, чтоб меня булавкой пришиливали, и что я, как он хочет, поеду с ним в Москву, потому что без него жить не могу.

I believe I must have stayed an hour on the staircase. When I opened his door he cried out as he looked at me. He thought I was a ghost, and rushed to give me some

water, for I could hardly stand up. My heart beat so violently that my head ached, and I did not know what I was doing. When I recovered I began by laying my parcel on his bed, sat down beside it, hid my face in my hands and went into floods of tears. I think he understood it all at once, and looked at me so sadly that my heart was torn.

"Listen, ' he began, 'listen, Nastenka, I can't do anything; I am a poor man, for I have nothing, not even a decent berth. How could we live, if I were to marry you? '

"We talked a long time; but at last I got quite frantic, I said I could not go on living with grandmother, that I should run away from her, that I did not want to be pinned to her, and that I would go to Moscow if he liked, because I could not live without him.

И стыд, и любовь, и гордость -- всё разом говорило во мне, и я чуть не в судорогах упала на постель. Я так боялась отказа!

Он несколько минут сидел молча, потом встал, подошел ко мне и взял меня за руку.

-- Послушайте, моя добрая, моя милая Настенька! -- начал он тоже сквозь слезы, -- послушайте. Клянусь вам, что если когда-нибудь я буду в состоянии жениться, то непременно вы составите мое счастье; уверяю, теперь только одни вы можете составить мое счастье. Слушайте: я еду в Москву и пробуду там ровно год. Я надеюсь устроить дела свои. Когда ворочусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вам, мы будем счастливы. Теперь ж невозможно, я не могу, я не вправе хоть что-нибудь обещать. Но, повторяю, если через год это не сделается, то хоть когда-нибудь непременно будет; разумеется -- в том случае, если вы не предпочтете мне другого, потому что связывать вас каким-нибудь словом я не могу и не смею.

Вот что он сказал мне и назавтра уехал. Положено было сообщать бабушке не говорить об этом ни слова. Так он захотел.

Shame and pride and love were all clamouring in me at once, and I fell on the bed almost in convulsions, I was so afraid of a refusal.

"He sat for some minutes in silence, then got up, came up to me and took me by the hand.

"Listen, my dear good Nastenka, listen; I swear to you that if I am ever in a position to marry, you shall make my happiness. I assure you that now you are the only one who could make me happy. Listen, I am going to Moscow and shall be there just a year; I hope to establish my position. When I come back, if you still love me, I swear that we will be happy. Now it is impossible, I am not able, I have not the right to promise anything. Well, I repeat, if it is not within a year it will certainly be some time; that is, of course, if you do not prefer any one else, for I cannot and dare not bind you by any sort of promise.'

"That was what he said to me, and next day he went away. We agreed together not to say a word to grandmother: that was his wish.

Ну, вот теперь почти и кончена вся моя история. Прошел ровно год. Он приехал, он уж здесь целые три дня и, и...

-- И что же? -- закричал я в нетерпении услышать конец.

-- И до сих пор не являлся! -- отвечала Настенька, как будто собираясь с силами, -- ни слуху ни духу...

Тут она остановилась, помолчала немного, опустила голову и вдруг, закрывшись руками, зарыдала так, что во мне сердце перевернулось от этих

рыданий.

Я никак не ожидал подобной развязки.

-- Настенька! -- начал я робким и вкрадчивым голосом, -- Настенька! ради бога, не плачьте! Почему вы знаете? может быть, его еще нет...

-- Здесь, здесь! -- подхватила Настенька. -- Он здесь я это знаю. У нас было условие, тогда еще, в тот вечер накануне отъезда: когда уже мы сказали всё, что я вам пересказала, и условились, мы вышли сюда гулять, именно на эту набережную. Было десять часов; мы сидели на этой скамейке; я уже не плакала, мне было сладко слушать то, что он говорил...

Well, my history is nearly finished now. Just a year has past. He has arrived; he has been here three days, and, and

"And what? " I cried, impatient to hear the end.

"And up to now has not shown himself! " answered Nastenka, as though screwing up all her courage. "There's no sign or sound of him."

Here she stopped, paused for a minute, bent her head, and covering her face with her hands broke into such sobs that it sent a pang to my heart to hear them. I had not in the least expected such a dénouement.

"Nastenka, " I began timidly in an ingratiating voice, "Nastenka! For goodness' sake don't cry! How do you know? Perhaps he is not here yet...."

"He is, he is, " Nastenka repeated. "He is here, and I know it. We made an agreement at the time, that evening, before he went away: when we said all that I have told you, and had come to an understanding, then we came out here for a walk on this embankment. It was ten o'clock; we sat on this seat. I was not crying then; it was sweet to me to hear what he said....

Он сказал, что тотчас же по приезде придет к нам и если я не откажусь от него, то мы скажем обо всем бабушке. Теперь он приехал, я это знаю, и его нет!

И она снова ударилась в слезы.

-- Боже мой! Да разве никак нельзя помочь горю? -- закричал я, вскочив со скамейки в совершенном отчаянии. -- Скажите, Настенька, нельзя ли будет хоть мне сходить к нему?..

-- Разве это возможно? -- сказала она, вдруг подняв голову.

-- Нет, разумеется, нет! -- заметил я, спохватившись. -- а вот что: напишите письмо.

-- Нет, это невозможно, это нельзя! -- отвечала она решительно, но уже потупив голову и не смотря на меня.

-- Как нельзя? отчего ж нельзя? -- продолжал я, ухватившись за свою идею. -- Но, знаете, Настенька, какое письмо! Письмо письму рознь и... Ах, Настенька, это так! Вверьтесь мне, вверьтесь! Я вам не дам дурного совета. Всё это можно устроить! Вы же начали первый шаг -- отчего же теперь...

-- Нельзя, нельзя! Тогда я как будто навязываюсь...

And he said that he would come to us directly he arrived, and if I did not refuse him, then we would tell grandmother about it all. Now he is here, I know it, and yet he does not come! "

And again she burst into tears.

"Good God, can I do nothing to help you in your sorrow? " I cried jumping up from the seat in utter despair. "Tell me, Nastenka, wouldn't it be possible for me to go to him? "

"Would that be possible? " she asked suddenly, raising her head.

"No, of course not, " I said pulling myself up; "but I tell you what, write a letter."

"No, that's impossible, I can't do that, " she answered with decision, bending her head and not looking at me.

"How impossible—why is it impossible? " I went on, clinging to my idea. "But, Nastenka, it depends what sort of letter; there are letters and letters and.... Ah, Nastenka, I am right; trust to me, trust to me, I will not give you bad advice. It can all be arranged! You took the first step—why not now? "

"I can't. I can't! It would seem as though I were forcing myself on him...."

-- Ах, добренькая моя Настенька! -- перебил я, не скрывая улыбки, -- нет же, нет; вы, наконец, вправе, потому что он вам обещал. Да и по всему я вижу, что он человек деликатный, что он поступил хорошо, -- продолжал я, всё более и более восторгаясь от логичности собственных доводов и убеждений, -- он как поступил? Он себя связал обещанием. Он сказал, что ни на ком не женится, кроме вас, если только женится; вам же он оставил полную свободу хоть сейчас от него отказаться... В таком случае вы можете сделать первый шаг, вы имеете право, вы имеете перед ним преимущество, хотя бы, например, если б захотели развязать его от данного слова...

-- Послушайте, вы как бы написали?

-- Что?

"Ah, my good little Nastenka, " I said, hardly able to conceal a smile; "no, no, you have a right to, in fact, because he made you a promise. Besides, I can see from everything that he is a man of delicate feeling; that he behaved very well, " I went on, more and more carried away by the logic of my own arguments and convictions. "How did he behave? He bound himself by a promise: he said that if he married at all he would marry no one but you; he gave you full liberty to refuse him at once.... Under such circumstances you may take the first step; you have the right; you are in the privileged position—if, for instance, you wanted to free him from his promise...."

"Listen; how would you write? "

"Write what? "

-- Да это письмо.

"This letter."

-- Я бы вот как написал: "Милостивый государь..."

"I tell you how I would write: 'Dear Sir.'..."

-- Это так непременно нужно -- милостивый государь?

"Must I really begin like that, 'Dear Sir'? "

-- Непременно! Впрочем, отчего ж? я думаю...

"You certainly must! Though, after all, I don't know, I imagine...."

-- Ну, ну! дальше!

"Well, well, what next? "

-- "Милостивый государь! Извините, что я..." Впрочем, нет, не нужно никаких извинений! Тут самый факт всё оправдывает, пишите просто:

"Dear Sir, —I must apologize for——' But, no, there's no need to apologize; the fact itself justifies everything. Write simply: —

"Я пишу к вам. Простите мне мое нетерпение; но я целый год была счастлива надеждой; виновата ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнения? Теперь, когда уже вы приехали, может быть, вы уже изменили свои намерения. Тогда это письмо скажет вам, что я не ропщу и не обвиняю вас. Я не обвиняю вас за то, что не властна над вашим сердцем; такова уж судьба моя!

"I am writing to you. Forgive me my impatience; but I have been happy for a whole year in hope; am I to blame for being unable to endure a day of doubt now? Now that you have come, perhaps you have changed your mind. If so, this letter is to tell you that I do not repine, nor blame you. I do not blame you because I have no power over your heart, such is my fate!

Вы благородный человек. Вы не улыбнетесь и не подосадуете на мои нетерпеливые строки. Вспомните, что их пишет бедная девушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посоветовать ей и что она никогда не умела сама совладеть с своим сердцем. Но простите меня, что в мою душу хотя на один миг закралось сомнение. Вы не способны даже и мысленно обидеть ту, которая вас так любила и любит".

"You are an honourable man. You will not smile or be vexed at these impatient lines. Remember they are written by a poor girl; that she is alone; that she has no one to direct her, no one to advise her, and that she herself could never control her heart. But forgive me that a doubt has stolen—if only for one instant—into my heart. You are not capable of insulting, even in thought, her who so loved and so loves you."

-- Да, да! это точно так, как я думала! -- закричала Настенька, и радость засияла в глазах ее. -- О! вы разрешили мои сомнения, вас мне сам бог послал! Благодарю, благодарю вас!

"Yes, yes; that's exactly what I was thinking! " cried Nastenka, and her eyes beamed with delight. "Oh, you have solved my difficulties: God has sent you to me! Thank you, thank you! "

-- За что? за то, что меня бог послал? -- отвечал я, глядя в восторге на ее радостное личико.

-- Да, хоть за то.

"What for? What for? For God's sending me? " I answered, looking delighted at her joyful little face. "Why, yes; for that too."

-- Ах, Настенька! Ведь благодарим же мы иных людей хоть за то, что они живут вместе с нами. Я благодарю вас за то, что вы мне встретились, за то, что целый век мой буду вас помнить!

"Ah, Nastenka! Why, one thanks some people for being alive at the same time with one; I thank you for having met me, for my being able to remember you all my life!"

-- Ну, довольно, довольно! А теперь вот что, слушайте-ка: тогда было условие, что как только приедет он, так тотчас даст знать о себе тем, что оставит мне письмо в одном месте, у одних моих знакомых, добрых и простых людей, которые ничего об этом не знают; или если нельзя будет написать ко мне письма, затем что в письме не всегда всё расскажешь, то он в тот же день, как приедет, будет сюда ровно в десять часов, где мы и положили с ним встретиться. О приезде его я уже знаю; но вот уже третий день нет ни письма, ни его. Уйти мне от бабушки поутру никак нельзя. Отдайте письмо мое завтра вы сами тем добрым людям, о которых я вам говорила: они уже перешлют; а если будет ответ, то сами вы принесете его вечером в десять часов.

"Well, enough, enough! But now I tell you what, listen: we made an agreement then that as soon as he arrived he would let me know, by leaving a letter with some good simple people of my acquaintance who know nothing about it; or, if it were impossible to write a letter to me, for a letter does not always tell everything, he would be here at ten o'clock on the day he arrived, where we had arranged to meet. I know he has arrived already; but now it's the third day, and there's no sign of him and no letter. It's impossible for me to get away from grandmother in the morning. Give my letter to-morrow to those kind people I spoke to you about: they will send it on to him, and if there is an answer you bring it to-morrow at ten o'clock."

-- Но письмо, письмо! Ведь прежде нужно письмо писать! Так разве послезавтра всё это будет.

"But the letter, the letter! You see, you must write the letter first! So perhaps it must all be the day after to-morrow."

-- Письмо... -- отвечала Настенька, немного смешавшись, -- письмо... но...

"The letter..." said Nastenka, a little confused, "the letter... but...."

Но она не договорила. Она сначала отвернула от меня свое личико, покраснела, как роза, и вдруг я почувствовал в моей руке письмо, по-видимому уже давно написанное, совсем приготовленное и запечатанное. Какое-то знакомое, милое, грациозное воспоминание пронеслось в моей голове!

But she did not finish. At first she turned her little face away from me, flushed like a rose, and suddenly I felt in my hand a letter which had evidently been written long before, all ready and sealed up. A familiar sweet and charming reminiscence floated through my mind.

-- R, o -- Ro, s, i -- si, n, a -- na, -- начал я.

"R, o—Ro; s, i—si; n, a—na, " I began.

-- Rosina! -- запели мы оба, я, чуть не обнимая ее от восторга, она, покраснев, как только могла покраснеть, и смеясь сквозь слезы, которые, как жемчужинки, дрожали "а ее черных ресницах.

"Rosina! " we both hummed together; I almost embracing her with delight, while she blushed as only she could blush, and laughed through the tears which gleamed like pearls on her black eyelashes.

-- Ну, довольно, довольно! Прощайте теперь! -- сказала она скороговоркой. -- Вот вам письмо, вот и адрес, куда снести его. Прощайте! до свидания! до завтра!

"Come, enough, enough! Good-bye now, " she said speaking rapidly. "Here is the letter, here is the address to which you are to take it. Good-bye, till we meet again! Till to-morrow! "

Она крепко сжала мне обе руки, кивнула головой и мелькнула, как стрелка, в свой переулок. Я долго стоял на месте, провожая ее глазами. "До завтра! до завтра! " -- пронеслось в моей голове, когда она скрылась из глаз моих.

She pressed both my hands warmly, nodded her head, and flew like an arrow down her side street. I stood still for a long time following her with my eyes.

"Till to-morrow! till to-morrow! " was ringing in my ears as she vanished from my sight.

THIRD NIGHT

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

To-day was a gloomy, rainy day without a glimmer of sunlight, like the old age before me. I am oppressed by such strange thoughts, such gloomy sensations; questions still so obscure to me are crowding into my brain—and I seem to have neither power nor will to settle them. It's not for me to settle all this!

Сегодня был день печальный, дождливый, без просвета, точно будущая старость моя. Меня теснят такие странные мысли, такие темные ощущения, такие еще неясные для меня вопросы толпятся в моей голове, -- а как-то нет ни силы, ни хотения их разрешить. Не мне разрешить всё это!

Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и подымался туман. Я сказал, что завтра будет дурной день; она не отвечала, она не хотела против себя говорить; для нее этот день и светел и ясен, и ни одна тучка не застелет ее счастья.

To-day we shall not meet. Yesterday, when we said good-bye, the clouds began gathering over the sky and a mist rose. I said that to-morrow it would be a bad day; she made no answer, she did not want to speak against her wishes; for her that day was bright and clear, not one cloud should obscure her happiness.

-- Коли будет дождь, мы не увидимся! -- сказала она. -- Я не приду.

"If it rains we shall not see each other, " she said, "I shall not come."

Я думал, что она и не заметила сегодняшнего дождя, а между тем не пришла.

I thought that she would not notice to-day's rain, and yet she has not come.

Вчера было наше третье свиданье, наша третья белая ночь...

Yesterday was our third interview, our third white night....

Однако, как радость и счастье делают человека прекрасным! как кипит сердце любовью! Кажется, хочешь излить всё свое сердце в другое сердце, хочешь, чтоб всё было весело, всё смеялось. И как заразительна эта радость! Вчера в ее словах было столько неги, столько доброты ко мне в сердце... Как она ухаживала за мной, как ласкалась ко мне, как ободряла и нежила-- мое сердце! О, сколько кокетства от счастья! А я... Я принимал всё за чистую монету; я думал, что она...

But how fine joy and happiness makes any one! How brimming over with love the heart is! One seems longing to pour out one's whole heart; one wants everything to be gay, everything to be laughing. And how infectious that joy is! There was such a softness in her words, such a kindly feeling in her heart towards me yesterday.... How solicitous and friendly she was; how tenderly she tried to give me courage! Oh, the coquetry of happiness! While I... I took it all for the genuine thing, I

thought that she....

Но, боже мой, как же мог я это думать? как же мог я быть так слеп, когда уже всё взято другим, всё не мое; когда, наконец, даже эта самая нежность ее, ее забота, ее любовь... да, любовь ко мне, -- была не что иное, как радость о скором свидании с другим, желание навязать и мне свое счастье?.. Когда он не пришел, когда мы прождали напрасно, она же нахмурилась, она же заробела и струсилась. Все движения ее, все слова ее уже стали не так легки, игривы и веселы. И, странное дело, -- она удвоила ко мне свое внимание, как будто инстинктивно желая на меня излить то, чего сама желала себе, за что сама боялась, если б оно не сбылось. Моя Настенька так оробела, так перепугалась, что, кажется, поняла наконец, что люблю ее, и сжалась над моей бедной любовью. Так, когда мы несчастны, мы сильнее чувствуем несчастье других; чувство не разбивается, а сосредоточивается...

But, my God, how could I have thought it? How could I have been so blind, when everything had been taken by another already, when nothing was mine; when, in fact, her very tenderness to me, her anxiety, her love... yes, love for me, was nothing else but joy at the thought of seeing another man so soon, desire to include me, too, in her happiness?... When he did not come, when we waited in vain, she frowned, she grew timid and discouraged. Her movements, her words, were no longer so light, so playful, so gay; and, strange to say, she redoubled her attentiveness to me, as though instinctively desiring to lavish on me what she desired for herself so anxiously, if her wishes were not accomplished. My Nastenka was so downcast, so dismayed, that I think she realized at last that I loved her, and was sorry for my poor love. So when we are unhappy we feel the unhappiness of others more; feeling is not destroyed but concentrated....

Я пришел к ней с полным сердцем и едва дождался свидания. Я не предчувствовал того, что буду теперь ощущать, не предчувствовал, что всё это не так кончится. Она сияла радостью, она ожидала ответа. Ответ был он сам. Он должен был прийти, прибежать на ее зов. Она пришла раньше меня целым часом. Сначала она всему хохотала, всякому слову моему смеялась. Я начал было говорить и умолк.

I went to meet her with a full heart, and was all impatience. I had no presentiment that I should feel as I do now, that it would not all end happily. She was beaming with pleasure; she was expecting an answer. The answer was himself. He was to come, to run at her call. She arrived a whole hour before I did. At first she giggled at everything, laughed at every word I said. I began talking, but relapsed into silence.

-- Знаете ли, отчего я так рада? -- сказала она, -- так рада на вас смотреть? так люблю вас сегодня?

"Do you know why I am so glad, " she said, "so glad to look at you? —why I like you so much to-day? "

-- Ну? -- спросил я, и сердце мое задрожало.

"Well? " I asked, and my heart began throbbing.

-- Я оттого люблю вас, что вы не влюбились в меня. Ведь вот иной, на вашем месте, стал бы беспокоить, приставать, разохался бы, разболелся, а вы такой милый!

"I like you because you have not fallen in love with me. You know that some men in your place would have been pestering and worrying me, would have been sighing and miserable, while you are so nice! "

Тут она так сжала мою руку, что я чуть не закричал. Она засмеялась.

Then she wrung my hand so hard that I almost cried out. She laughed.

-- Боже! какой вы друг! -- начала она через минуту очень серьезно. -- Да вас бог мне послал! Ну, что бы со мной было, если б вас со мной теперь не было? Какой вы бескорыстный! Как хорошо вы меня любите! Когда я выйду замуж, мы будем очень дружны, больше чем как братья. Я буду вас любить почти так, как его...

"Goodness, what a friend you are! " she began gravely a minute later. "God sent you to me. What would have happened to me if you had not been with me now? How disinterested you are! How truly you care for me! When I am married we will be great friends, more than brother and sister; I shall care almost as I do for him...."

Мне стало как-то ужасно грустно в это мгновение; однако ж что-то похожее на смех зашевелилось в душе моей.

I felt horribly sad at that moment, yet something like laughter was stirring in my soul.

-- Вы в припадке, -- сказал я, -- вы трусите; вы думаете, что он не придет.

"You are very much upset, " I said; "you are frightened; you think he won't come."

-- Бог с вами! -- отвечала она, -- если б я была меньше счастлива, я бы, кажется, заплакала от вашего неверия, от ваших упреков. Впрочем, вы меня навели на мысль и задали мне долгую думу; но я подумаю после, а теперь признаюсь вам, что правду вы говорите! Да! я как-то сама не своя; я как-то вся в ожидании и чувствую всё как-то слишком легко. Да полноте, оставим про чувства!..

"Oh dear! " she answered; "if I were less happy, I believe I should cry at your lack of faith, at your reproaches. However, you have made me think and have given me a lot to think about; but I shall think later, and now I will own that you are right. Yes, I am somehow not myself; I am all suspense, and feel everything as it were too lightly. But hush! that's enough about feelings...."

В это время слышались шаги, и в темноте показался прохожий, который шел к нам навстречу. Мы оба задрожали; она чуть не вскрикнула. Я опустил ее руку и сделал жест, как будто хотел отойти. Но мы обманулись: это был не он.

At that moment we heard footsteps, and in the darkness we saw a figure coming towards us. We both started; she almost cried out; I dropped her hand and made a movement as though to walk away. But we were mistaken, it was not he.

-- Чего вы боитесь? Зачем вы бросили мою руку? -- сказала она, подавая мне ее опять. -- Ну, что же? мы встретим его вместе. Я хочу, чтоб он видел, как мы любим друг друга.

"What are you afraid of? Why did you let go of my hand? " she said, giving it to me again. "Come, what is it? We will meet him together; I want him to see how fond we are of each other."

-- Как мы любим друг друга! -- закричал я.

"О Настенька, Настенька! -- подумал я, --как этим словом ты много сказала! От этой любви, Настенька, в иной час холодеет на сердце и становится тяжело на душе. Твоя рука холодная, моя горячая как огонь. Какая слепая ты, Настенька!... О! как несносен счастливый человек в иную минуту! Но я не мог на тебя рассердиться!..."

"How fond we are of each other! " I cried. ("Oh, Nastenka, Nastenka, " I thought, "how much you have told me in that saying! Such fondness at certain moments makes the heart cold and the soul heavy. Your hand is cold, mine burns like fire. How blind you are, Nastenka!... Oh, how unbearable a happy person is sometimes! But I could not be angry with you! ")

Наконец сердце мое переполнилось.

At last my heart was too full.

-- Послушайте, Настенька! -- закричал я, -- знаете ли, что со мной было весь день?

"Listen, Nastenka! " I cried. "Do you know how it has been with me all day."

-- Ну что, что такое? рассказывайте скорее! Что ж вы до сих пор всё молчали!

"Why, how, how? Tell me quickly! Why have you said nothing all this time? "

-- Во-первых, Настенька, когда я исполнил все ваши комиссии, отдал письмо, был у ваших добрых людей, потом... потом я пришел домой и лег спать.

"To begin with, Nastenka, when I had carried out all your commissions, given the letter, gone to see your good friends, then... then I went home and went to bed."

-- Только-то? -- перебила она засмеявшись.

"Is that all? " she interrupted, laughing.

-- Да, почти только-то, -- отвечал я скрепя сердце, потому что в глазах моих уже накалились глупые слезы. -- Я проснулся за час до нашего свидания, но как

будто и не спал. Не знаю, что было со мною. Я шел, чтоб вам это всё рассказать, как будто время для меня остановилось, как будто одно ощущение, одно чувство должно было остаться с этого времени во мне навечно, как будто одна минута должна была продолжаться целую вечность и словно вся жизнь остановилась для меня... Когда я проснулся, мне казалось, что какой-то музыкальный мотив, давно знакомый, где-то прежде слышанный, забытый и сладостный, теперь вспоминался мне. Мне казалось, что он всю жизнь просился из души моей, и только теперь...

"Yes, almost all, " I answered restraining myself, for foolish tears were already starting into my eyes. "I woke an hour before our appointment, and yet, as it were, I had not been asleep. I don't know what happened to me. I came to tell you all about it, feeling as though time were standing still, feeling as though one sensation, one feeling must remain with me from that time for ever; feeling as though one minute must go on for all eternity, and as though all life had come to a standstill for me.... When I woke up it seemed as though some musical motive long familiar, heard somewhere in the past, forgotten and voluptuously sweet, had come back to me now. It seemed to me that it had been clamouring at my heart all my life, and only now...."

-- Ах, боже мой, боже мой! -- перебила Настенька, -- как же это всё так? Я не понимаю ни слова.

"Oh my goodness, my goodness, " Nastenka interrupted, "what does all that mean? I don't understand a word."

-- Ах, Настенька! мне хотелось как-нибудь передать вам это странное впечатление... -- начал я жалобным голо-- сом, в котором скрывалась еще надежда, хотя весьма отдаленная.

"Ah, Nastenka, I wanted somehow to convey to you that strange impression...." I began in a plaintive voice, in which there still lay hid a hope, though a very faint one.

-- Полноте, перестаньте, полноте! -- заговорила она, и в один миг она догадалась, плутовка!

"Leave off. Hush! " she said, and in one instant the sly puss had guessed.

Вдруг она сделалась как-то необыкновенно говорлива, весела, шаловлива. Она взяла меня под руку, смеялась, хотела, чтоб и я тоже смеялся, и каждое смущенное слово мое отзывалось в ней таким звонким, таким долгим смехом... Я начинал сердиться, она вдруг пустилась кокетничать.

Suddenly she became extraordinarily talkative, gay, mischievous; she took my arm, laughed, wanted me to laugh too, and every confused word I uttered evoked from her prolonged ringing laughter.... I began to feel angry, she had suddenly begun flirting.

-- Послушайте, -- начала она, -- а ведь мне немножко досадно, что вы не влюбились в меня. Разберите-ка после этого человека! Но все-таки, господин

непреклонный, вы не можете не похвалить меня за то, что я такая простая. Я вам всё говорю, всё говорю, какая бы глупость ни промелькнула у меня в голове.

"Do you know, " she began, "I feel a little vexed that you are not in love with me? There's no understanding human nature! But all the same, Mr. Unapproachable, you cannot blame me for being so simple; I tell you everything, everything, whatever foolish thought comes into my head."

-- Слушайте! Это одиннадцать часов, кажется? -- сказал я, когда мерный звук колокола загудел с отдаленной городской башни. Она вдруг остановилась, перестала смеяться и начала считать.

"Listen! That's eleven, I believe, " I said as the slow chime of a bell rang out from a distant tower. She suddenly stopped, left off laughing and began to count.

-- Да, одиннадцать, -- сказала она наконец робким, нерешительным голосом.

"Yes, it's eleven, " she said at last in a timid, uncertain voice.

Я тотчас же раскаялся, что напугал ее, заставил считать часы, и проклял себя за припадок злости. Мне стало за нее грустно, и я не знал, как искупить свое преступление. Я начал ее утешать, выискивать причины его отсутствия, подводить разные доводы, доказательства. Никого нельзя было легче обмануть, как ее в эту минуту, да и всякий в эту минуту как-то радостно выслушивает хоть какое бы то ни было утешение и рад-рад, коли есть хоть тень оправдания.

I regretted at once that I had frightened her, making her count the strokes, and I cursed myself for my spiteful impulse; I felt sorry for her, and did not know how to atone for what I had done.

I began comforting her, seeking for reasons for his not coming, advancing various arguments, proofs. No one could have been easier to deceive than she was at that moment; and, indeed, any one at such a moment listens gladly to any consolation, whatever it may be, and is overjoyed if a shadow of excuse can be found.

-- Да и смешное дело, -- начал я, всё более и более горячась и любуясь на необыкновенную ясность своих доказательств, -- да и не мог он прийти; вы и меня обманули и завлекли, Настенька, так что я и времени счет потерял... Вы только подумайте: он едва мог получить письмо; положим, ему нельзя прийти, положим, он будет отвечать, так письмо придет не раньше как завтра. Я за ним завтра чем свет схожу и тотчас же дам знать. Предположите, наконец, тысячу вероятностей: ну, его не было дома, когда пришло письмо, и он, может быть, его и до сих пор не читал? Ведь всё может случиться.

"And indeed it's an absurd thing, " I began, warming to my task and admiring the extraordinary clearness of my argument, "why, he could not have come; you have muddled and confused me, Nastenka, so that I too, have lost count of the time.... Only think: he can scarcely have received the letter; suppose he is not able to come, suppose he is going to answer the letter, could not come before to-morrow. I will go for it as soon as it's light to-morrow and let you know at once. Consider, there are

thousands of possibilities; perhaps he was not at home when the letter came, and may not have read it even now! Anything may happen, you know."

-- Да, да! -- отвечала Настенька, -- я и не подумала; конечно, всё может случиться, -- продолжала она самым сговорчивым голосом, но в котором, как досадный диссонанс, слышалась какая-то другая, отдаленная мысль. -- Вот что вы сделайте, -- продолжала она, -- вы идите завтра как можно раньше и, если получите что-нибудь, тотчас же дайте мне знать. Вы ведь знаете, где я живу? -- И она начала повторять мне свой адрес.

"Yes, yes! " said Nastenka. "I did not think of that. Of course anything may happen? " she went on in a tone that offered no opposition, though some other far-away thought could be heard like a vexatious discord in it. "I tell you what you must do, " she said, "you go as early as possible to-morrow morning, and if you get anything let me know at once. You know where I live, don't you? " And she began repeating her address to me.

Потом она вдруг стала так нежна, так робка со мною... Она, казалось, слушала внимательно, что я ей говорил; но когда я обратился к ней с каким-то вопросом, она (смолчала, смешалась и отвортила от меня голову. Я заглянул ей в глаза -- так и есть: она плакала.

Then she suddenly became so tender, so solicitous with me. She seemed to listen attentively to what I told her; but when I asked her some question she was silent, was confused, and turned her head away. I looked into her eyes—yes, she was crying.

-- Ну, можно ли, можно ли? Ах, какое вы дитя! Какое ребячество!.. Полноте!

"How can you? How can you? Oh, what a baby you are! what childishness!... Come, come! "

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородок ее дрожал и грудь всё еще колыхалась.

She tried to smile, to calm herself, but her chin was quivering and her bosom was still heaving.

-- Я думаю об вас, -- сказала она мне после минутного молчания, -- вы так добры, что я была бы каменная, если б не чувствовала этого. Знаете ли, что мне пришло теперь в голову? Я вас обоих сравнила. Зачем он -- не вы? Зачем он не такой, как вы? Он хуже вас, хоть я и люблю его больше вас.

"I was thinking about you, " she said after a minute's silence. "You are so kind that I should be a stone if I did not feel it. Do you know what has occurred to me now? I was comparing you two. Why isn't he you? Why isn't he like you? He is not as good as you, though I love him more than you."

Я не отвечал ничего. Она, казалось, ждала, чтоб я сказал что-нибудь.

I made no answer. She seemed to expect me to say something.

-- Конечно, я, может быть, не совсем еще его понимаю, не совсем его знаю. Знаете, я как будто всегда боялась его; он всегда был такой серьезный, такой как будто гордый. Конечно, я знаю, что это он только смотрит так, что в сердце его больше, чем в моем, нежности... Я помню, как он посмотрел на меня тогда, как я, помните, пришла к нему с узелком; но все-таки я его как-то слишком уважаю, а ведь это как будто бы мы и неровня?

"Of course, it may be that I don't understand him fully yet. You know I was always as it were afraid of him; he was always so grave, as it were so proud. Of course I know it's only that he seems like that, I know there is more tenderness in his heart than in mine.... I remember how he looked at me when I went in to him—do you remember? —with my bundle; but yet I respect him too much, and doesn't that show that we are not equals? "

-- Нет, Настенька, нет, -- отвечал я, -- это значит, что вы его больше всего на свете любите, и гораздо больше себя самой любите.

"No, Nastenka, no, " I answered, "it shows that you love him more than anything in the world, and far more than yourself."

-- Да, положим, что это так, -- отвечала наивная Настенька, -- но знаете ли, что мне пришло теперь в голову? Только я теперь не про него буду говорить, а так, вообще; мне уже давно всё это приходило в голову. Послушайте, зачем мы все не так, как бы братья с братьями? Зачем самый лучший человек всегда как будто что-то таит от другого и молчит от него? Зачем прямо, сейчас, не сказать что есть на сердце, коли знаешь, что не на ветер свое слово скажешь? А то всякий так смотрит, как будто он суровее, чем он есть на самом деле, как будто все бояться оскорбить свои чувства, коли очень скоро выкажут их...

"Yes, supposing that is so, " answered Nastenka naïvely. "But do you know what strikes me now? Only I am not talking about him now, but speaking generally; all this came into my mind some time ago. Tell me, how is it that we can't all be like brothers together? Why is it that even the best of men always seem to hide something from other people and to keep something back? Why not say straight out what is in one's heart, when one knows that one is not speaking idly? As it is every one seems harsher than he really is, as though all were afraid of doing injustice to their feelings, by being too quick to express them."

-- Ах, Настенька! правду вы говорите; да ведь это происходит от многих причин, -- перебил я, сам более чем когда-нибудь в эту минуту стеснявший свои чувства.

"Oh, Nastenka, what you say is true; but there are many reasons for that, " I broke in suppressing my own feelings at that moment more than ever.

-- Нет, нет! -- отвечала она с глубоким чувством. -- Вот вы, например, не таков, как другие! Я, право, не знаю, как бы вам это рассказать, что я чувствую; но мне кажется, вы вот, например... хоть бы теперь... мне кажется, вы чем-то для меня жертвуете, -- прибавила она робко, мельком взглянув на меня. -- Вы меня простите, если я вам так говорю: я ведь простая девушка; я

ведь мало еще видела на свете и, право, не умею иногда говорить, -- прибавила она голосом, дрожащим от какого-то затаенного чувства, и стараясь между тем улыбнуться, -- но мне только хотелось сказать вам, что я благодарна, что я тоже всё это чувствую... О, дай вам бог за это счастья! Вот то, что вы мне наказали тогда о вашем мечтателе, совершенно неправда то есть, я хочу сказать, совсем до вас не касается. Вы выздоравливаете, вы, право, совсем другой человек, чем как сами себя описали. Если вы когда-нибудь полюбите, то дай вам бог счастья с нею! А ей я ничего не желаю, потому что она будет счастлива с вами. Я знаю, я сама женщина и вы должны мне верить, если я вам так говорю...

"No, no! " she answered with deep feeling. "Here you, for instance, are not like other people! I really don't know how to tell you what I feel; but it seems to me that you, for instance... at the present moment... it seems to me that you are sacrificing something for me, " she added timidly, with a fleeting glance at me. "Forgive me for saying so, I am a simple girl you know. I have seen very little of life, and I really sometimes don't know how to say things, " she added in a voice that quivered with some hidden feeling, while she tried to smile; "but I only wanted to tell you that I am grateful, that I feel it all too.... Oh, may God give you happiness for it! What you told me about your dreamer is quite untrue now—that is, I mean, it's not true of you. You are recovering, you are quite a different man from what you described. If you ever fall in love with some one, God give you happiness with her! I won't wish anything for her, for she will be happy with you. I know, I am a woman myself, so you must believe me when I tell you so."

Она замолкла и крепко пожала руку мне. Я тоже не мог ничего говорить от волнения. Прошло несколько минут.

She ceased speaking, and pressed my hand warmly. I too could not speak without emotion. Some minutes passed.

-- Да, видно, что он не придет сегодня! -- сказала она наконец, подняв голову. -- Поздно!..

"Yes, it's clear he won't come to-night, " she said at last raising her head. "It's late."

-- Он придет завтра, -- сказал я самым уверительным и твердым голосом.

"He will come to-morrow, " I said in the most firm and convincing tone.

-- Да, -- прибавила она, развеселившись, -- я сама теперь вижу, что он придет только завтра. Ну, так до свиданья! до завтра! Если будет дождь, я, может быть, не приду. Но послезавтра я приду, непременно приду, что со мной ни было; будьте здесь непременно; я хочу вас видеть, я вам всё расскажу.

"Yes, " she added with no sign of her former depression. "I see for myself now that he could not come till to-morrow. Well, good-bye, till to-morrow. If it rains perhaps I shall not come. But the day after to-morrow, I shall come. I shall come for certain, whatever happens; be sure to be here, I want to see you, I will tell you everything."

И потом, когда мы прощались, она подала мне руку и сказала, ясно взглянув на меня:

-- Ведь мы теперь навсегда вместе, не правда ли?

And then when we parted she gave me her hand and said, looking at me candidly: "We shall always be together, shan't we? "

О! Настенька, Настенька! Если б ты знала, в каком я теперь одиночестве!

Oh, Nastenka, Nastenka! If only you knew how lonely I am now!

Когда пробило девять часов, я не мог усидеть в комнате, оделся и вышел, несмотря на ненастное время. Я был там, сидел на нашей скамейке. Я было пошел в их переулок, но мне стало стыдно, и я воротился, не взглянув на их окна, не дойдя двух шагов до их дома. Я пришел домой в такой тоске, в какой никогда не бывал. Какое сырое, скучное время! Если б была хорошая погода, я бы прогулял там всю ночь...

As soon as it struck nine o'clock I could not stay indoors, but put on my things, and went out in spite of the weather. I was there, sitting on our seat. I went to her street, but I felt ashamed, and turned back without looking at their windows, when I was two steps from her door. I went home more depressed than I had ever been before. What a damp, dreary day! If it had been fine I should have walked about all night....

Но до завтра, до завтра! Завтра она мне всё расскажет.

Однако письма сегодня не было. Но, впрочем, так и должно было быть. Они уже вместе...

But to-morrow, to-morrow! To-morrow she will tell me everything. The letter has not come to-day, however. But that was to be expected. They are together by now....

FOURTH NIGHT

НОЧЬ ЧЕТВЁРТАЯ

My God, how it has all ended! What it has all ended in! I arrived at nine o'clock. She was already there. I noticed her a good way off; she was standing as she had been that first time, with her elbows on the railing, and she did not hear me coming up to her.

Боже, как всё это кончилось! Чем всё это кончилось! Я пришел в девять часов. Она была уже там. Я еще издали заметил ее; она стояла, как тогда, в первый раз, облокотясь на перила набережной, и не слыхала, как я подошел к ней.

-- Настенька! -- окликнул я ее, через силу подавляя свое волнение.

"Nastenka! " I called to her, suppressing my agitation with an effort.

Она быстро обернулась ко мне.

She turned to me quickly.

-- Ну! -- сказала она, -- ну! поскорее!

"Well? " she said. "Well? Make haste! "

Я смотрел на нее в недоумении.

I looked at her in perplexity.

-- Ну, где же письмо? Вы принесли письмо? -- повторила она, схватившись рукой за перила.

"Well, where is the letter? Have you brought the letter? " she repeated clutching at the railing.

-- Нет, у меня нет письма, -- сказал я наконец, -- разве он еще не был?

Она страшно побледнела и долгое время смотрела на меня неподвижно. Я разбил последнюю ее надежду.

"No, there is no letter, " I said at last. "Hasn't he been to you yet? " She turned fearfully pale and looked at me for a long time without moving. I had shattered her last hope.

-- Ну, бог с ним! -- проговорила она наконец прерывающимся голосом, -- бог с ним, -- если он так оставляет меня.

"Well, God be with him, " she said at last in a breaking voice; "God be with him if he leaves me like that."

Она опустила глаза, потом хотела взглянуть на меня, но не могла. Еще несколько минут она пересиливала свое волнение, но вдруг отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

She dropped her eyes, then tried to look at me and could not. For several minutes she was struggling with her emotion. All at once she turned away, leaning her elbows against the railing and burst into tears.

-- Полноте, полноте! -- заговорил было я, но у меня сил не достало продолжать, на нее глядя, да и что бы я стал говорить?

"Oh don't, don't! " I began; but looking at her I had not the heart to go on, and what was I to say to her?

-- Не утешайте меня, -- говорила она плача, -- не говорите про него, не говорите, что он придет, что он не бросил меня так жестоко, так бесчеловечно, как он это сделал. За что, за что? Неужели что-нибудь было в моем письме, в этом несчастном письме?..

"Don't try and comfort me, " she said; "don't talk about him; don't tell me that he will come, that he has not cast me off so cruelly and so inhumanly as he has. What for—what for? Can there have been something in my letter, that unlucky letter? "

Тут рыдания пресекли ее голос; у меня сердце разрывалось, на нее глядя.

At that point sobs stifled her voice; my heart was torn as I looked at her.

-- О, как это бесчеловечно-жестоко! -- начала она снова. -- И ни строчки, ни строчки! Хоть бы отвечал, что я не нужна ему, что он отвергает меня; а то ни одной строчки в целые три дня! Как легко ему оскорбить, обидеть, бедную, беззащитную девушку, которая тем и виновата, что любит его! О, сколько я вытерпела в эти три дня! Боже мой! Боже мой! Как вспомню, что я пришла к нему в первый раз сама, что я перед ним унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И после этого!.. Послушайте, -- заговорила она, обращаясь ко мне, и черные глазки ее засверкали, -- да это не так! Это не может быть так; это ненатурально! Или вы, или я обманулись; может быть, он письма не получал? Может быть, он до сих пор ничего не знает? Как же можно, судите сами, скажите мне, ради бога, объясните мне, -- я этого не могу понять, -- как можно так варварски грубо поступить, как он поступил со мною! Ни одного слова! Но к последнему человеку на свете бывают сострадательнее. Может быть, он что-нибудь слышал, может быть, кто-нибудь ему насказал обо мне? -- закричала она, обратившись ко мне с вопросом.

"Oh, how inhumanly cruel it is! " she began again. "And not a line, not a line! He might at least have written that he does not want me, that he rejects me—but not a line for three days! How easy it is for him to wound, to insult a poor, defenceless girl, whose only fault is that she loves him! Oh, what I've suffered during these three days! Oh, dear! When I think that I was the first to go to him, that I humbled myself before him, cried, that I begged of him a little love!... and after that! Listen,

" she said, turning to me, and her black eyes flashed, "it isn't so! It can't be so; it isn't natural. Either you are mistaken or I; perhaps he has not received the letter? Perhaps he still knows nothing about it? How could any one—judge for yourself, tell me, for goodness' sake explain it to me, I can't understand it—how could any one behave with such barbarous coarseness as he has behaved to me? Not one word! Why, the lowest creature on earth is treated more compassionately. Perhaps he has heard something, perhaps some one has told him something about me, " she cried, turning to me inquiringly:

-- Как, как вы думаете?

"What do you think? "

-- Слушайте, Настенька, я пойду завтра к нему от вашего имени.

"Listen, Nastenka, I shall go to him to-morrow in your name."

-- Ну!

"Yes? "

-- Я спрошу его обо всем, расскажу ему всё.

"I will question him about everything; I will tell him everything."

-- Ну, ну!

"Yes, yes? "

-- Вы напишите письмо. Не говорите нет, Настенька, не говорите нет! Я заставлю его уважать ваш поступок, он всё узнает, и если...

"You write a letter. Don't say no, Nastenka, don't say no! I will make him respect your action, he shall hear all about it, and if——"

-- Нет, мой друг, нет, -- перебила она. -- Довольно! Больше ни слова, ни одного слова от меня, ни строчки -- довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по...за...буду...

"No, my friend, no, " she interrupted. "Enough! Not another word, not another line from me—enough! I don't know him; I don't love him any more. I will... forget him."

Она не договорила.

She could not go on.

-- Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здесь, Настенька, -- сказал я, усаживая ее на скамейку.

"Calm yourself, calm yourself! Sit here, Nastenka, " I said, making her sit down on the seat.

-- Да я спокойна. Полноте! Это так! Это слезы, это просохнет! Что вы думаете, что я сгублю себя, что я утоплюсь?..

"I am calm. Don't trouble. It's nothing! It's only tears, they will soon dry. Why, do you imagine I shall do away with myself, that I shall throw myself into the river? "

Сердце мое было полно; я хотел было заговорить, но не мог.

My heart was full: I tried to speak, but I could not.

-- Слушайте! --продолжала она, взяв меня за руку, -- скажите: вы бы не так поступили? вы бы не бросили той, которая бы сама к вам пришла, вы бы не бросили ей в глаза бесстыдной насмешки над ее слабым, глупым сердцем? Вы поберегли бы ее? Вы бы представили себе, что она была одна, что она не умела усмотреть за собой, что она не умела себя уберечь от любви к вам, что она не виновата, что она, наконец, не виновата... что она ничего не сделала!.. О, боже мой, боже мой!..

"Listen, " she said taking my hand. "Tell me: you wouldn't have behaved like this, would you? You would not have abandoned a girl who had come to you of herself, you would not have thrown into her face a shameless taunt at her weak foolish heart? You would have taken care of her? You would have realized that she was alone, that she did not know how to look after herself, that she could not guard herself from loving you, that it was not her fault, not her fault—that she had done nothing.... Oh dear, oh dear! "

-- Настенька! -- закричал я наконец, не будучи в силах преодолеть свое волнение, -- Настенька! вы терзаете меня! Вы язвите сердце мое, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я должен наконец говорить, высказать, что у меня накопело тут, в сердце...

"Nastenka! " I cried at last, unable to control my emotion. "Nastenka, you torture me! You wound my heart, you are killing me, Nastenka! I cannot be silent! I must speak at last, give utterance to what is surging in my heart! "

Говоря это, я привстал со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрела на меня в удивлении.

As I said this I got up from the seat. She took my hand and looked at me in surprise.

-- Что с вами? -- проговорила она наконец.

"What is the matter with you? " she said at last.

-- Слушайте! -- сказал я решительно. -- Слушайте меня, Настенька! Что я буду теперь говорить, всё вздор, всё несбыточно, всё глупо! Я знаю, что этого

никогда не может случиться, но не могу же я молчать. Именем того, чем вы теперь страдаете, заранее молю вас, простите меня!..

"Listen, " I said resolutely. "Listen to me, Nastenka! What I am going to say to you now is all nonsense, all impossible, all stupid! I know that this can never be, but I cannot be silent. For the sake of what you are suffering now, I beg you beforehand to forgive me! "

-- Ну, что, что? -говорила она, перестав плакать и пристально смотря на меня, тогда как странное любопытство блистало в ее удивленных глазках, -- что с вами?

"What is it? What is it? " she said drying her tears and looking at me intently, while a strange curiosity gleamed in her astonished eyes. "What is the matter? "

-- Это несбыточно, но я вас люблю, Настенька! вот что! Ну, теперь всё сказано! -- сказал я, махнув рукой. -- Теперь вы увидите, можете ли вы так говорить со мной, как сейчас говорили, можете ли вы, наконец, слушать то, что я буду вам говорить...

"It's impossible, but I love you, Nastenka! There it is! Now everything is told, " I said with a wave of my hand. "Now you will see whether you can go on talking to me as you did just now, whether you can listen to what I am going to say to you."...

-- Ну, что ж, что же? -- перебила Настенька, -- что ж из этого? Ну, я давно знала, что вы меня любите, но только мне всё казалось, что вы меня так, просто, как-нибудь любите... Ах, боже мой, боже мой!

"Well, what then? " Nastenka interrupted me. "What of it? I knew you loved me long ago, only I always thought that you simply liked me very much.... Oh dear, oh dear! "

-- Сначала было просто, Настенька, а теперь, теперь... я точно так же, как вы, когда вы пришли к нему тогда с вашим узелком. Хуже, чем как вы, Настенька, потому что он тогда никого не любил, а вы любите.

"At first it was simply liking, Nastenka, but now, now! I am just in the same position as you were when you went to him with your bundle. In a worse position than you, Nastenka, because he cared for no one else as you do."

-- Что это вы мне говорите! Я, наконец, вас совсем не понимаю. Но послушайте, зачем же это, то есть не зачем, а почему же это вы так, и так вдруг... Боже! я говорю глупости! Но вы...

"What are you saying to me! I don't understand you in the least. But tell me, what's this for; I don't mean what for, but why are you... so suddenly.... Oh dear, I am talking nonsense! But you...."

И Настенька совершенно смешалась. Щеки ее вспыхнули; она опустила глаза.

And Nastenka broke off in confusion. Her cheeks flamed; she dropped her eyes.

-- Что ж делать, Настенька, что ж мне делать? я виноват, я употребил во зло... Но нет же, нет, не виноват я, Настенька; я это слышу, чувствую, потому что мое сердце мне говорит, что я прав, потому что я вас ничем не могу обидеть, ничем оскорбить! Я был друг ваш; ну, вот я и теперь друг; я ничему не изменял. Вот у меня Теперь слезы текут, Настенька. Пусть их текут, пусть текут-- они никому не мешают. Они высохнут, Настенька...

"What's to be done, Nastenka, what am I to do? I am to blame. I have abused your.... But no, no, I am not to blame, Nastenka; I feel that, I know that, because my heart tells me I am right, for I cannot hurt you in any way, I cannot wound you! I was your friend, but I am still your friend, I have betrayed no trust. Here my tears are falling, Nastenka. Let them flow, let them flow—they don't hurt anybody. They will dry, Nastenka."

-- Да сядьте же, сядьте, -- сказала она, сажая меня на скамейку. -- ох, боже мой!

"Sit down, sit down, " she said, making me sit down on the seat. "Oh, my God! "

-- Нет! Настенька, я не сяду; я уже более не могу быть здесь, вы уже меня более не можете видеть; я всё скажу и уйду. Я только хочу сказать, что вы бы никогда не узнали, что я вас люблю. Я бы схоронил свою тайну. Я бы не стал вас терзать теперь, в эту минуту, моим эгоизмом. Нет! но я не мог теперь вытерпеть; вы сами заговорили об этом, вы виноваты, вы во всем виноваты, а я не виноват. Вы не можете прогнать меня от себя...

"No, Nastenka, I won't sit down; I cannot stay here any longer, you cannot see me again; I will tell you everything and go away. I only want to say that you would never have found out that I loved you. I should have kept my secret. I would not have worried you at such a moment with my egoism. No! But I could not resist it now; you spoke of it yourself, it is your fault, your fault and not mine. You cannot drive me away from you."...

-- Да нет же, нет, я не отгоняю вас, нет! -- говорила Настенька, скрывая, как только могла, свое смущение, бедненькая.

"No, no, I don't drive you away, no! " said Nastenka, concealing her confusion as best she could, poor child.

-- Вы меня не гоните? нет! а я было сам хотел бежать от вас. Я и уйду, только я всё скажу сначала, потому что, когда вы здесь говорили, я не мог усидеть, когда вы здесь плакали, когда вы терзались оттого, ну, оттого (уж я на зову это, Настенька), оттого, что вас отвергают, оттого, что оттолкнули вашу любовь, я почувствовал, я услышал, что в моем сердце столько любви для вас, Настенька, столько любви!.. И мне стало так горько, что я не могу помочь вам этой любовью... что сердце разорвалось, и я, я -- не мог молчать, я должен был говорить, Настенька, я должен был говорить!..

"You don't drive me away? No! But I meant to run from you myself. I will go away, but first I will tell you all, for when you were crying here I could not sit unmoved,

when you wept, when you were in torture at being—at being—I will speak of it, Nastenka—at being forsaken, at your love being repulsed, I felt that in my heart there was so much love for you, Nastenka, so much love! And it seemed so bitter that I could not help you with my love, that my heart was breaking and I... I could not be silent, I had to speak, Nastenka, I had to speak! "

-- Да, да! говорите мне, говорите со мною так! -- сказала Настенька с неизъяснимым движением. -- Вам, может быть, странно, что я с вами так говорю, но... говорите! я вам после скажу! я вам всё расскажу!

"Yes, yes! tell me, talk to me, " said Nastenka with an indescribable gesture. "Perhaps you think it strange that I talk to you like this, but... speak! I will tell you afterwards! I will tell you everything."

-- Вам жаль меня, Настенька; вам просто жаль меня, дружок мой! Уж что пропало, то пропало! уж что сказано, того не воротишь! Не так ли?

"You are sorry for me, Nastenka, you are simply sorry for me, my dear little friend! What's done can't be mended. What is said cannot be taken back. Isn't that so?

Ну, так вы теперь знаете всё. Ну, вот это точка отправления. Ну, хорошо! теперь всё это прекрасно; только послушайте. Когда вы сидели и плакали, я про себя думал (ох, дайте мне сказать, что я думал!), я думал, что (ну, уж конечно, этого не может быть, Настенька), я думал, что вы... я думал, что вы как-нибудь там... ну, совершенно посторонним каким-нибудь образом, уж больше его не любите. Тогда, -- я это и вчера и третьего дня уже думал, Настенька, -- тогда я бы сделал так, я бы непременно сделал так, что вы бы меня полюбили: ведь вы сказали, ведь вы сами говорили, Настенька, что вы меня уже почти совсем полюбили. Ну, что ж дальше? Ну, вот почти и всё, что я хотел сказать; остается только сказать, что бы тогда было, если б вы меня полюбили, только это, больше ничего! Послушайте же, друг мой, -- потому что вы все-таки мой друг, -- я, конечно, человек простой, бедный, такой незначительный, только не в том дело (я как-то всё не про то говорю, это от смущения, Настенька),

Well, now you know. That's the starting-point. Very well. Now it's all right, only listen. When you were sitting crying I thought to myself (oh, let me tell you what I was thinking!), I thought, that (of course it cannot be, Nastenka), I thought that you... I thought that you somehow... quite apart from me, had ceased to love him. Then—I thought that yesterday and the day before yesterday, Nastenka—then I would—I certainly would—have succeeded in making you love me; you know, you said yourself, Nastenka, that you almost loved me. Well, what next? Well, that's nearly all I wanted to tell you; all that is left to say is how it would be if you loved me, only that, nothing more! Listen, my friend—for any way you are my friend—I am, of course, a poor, humble man, of no great consequence; but that's not the point (I don't seem to be able to say what I mean, Nastenka, I am so confused),

а только я бы вас так любил, так любил, что если б вы еще и любили его и продолжали любить того, которого я не знаю, то все-таки не заметили бы, что моя любовь как-нибудь там для вас тяжела. Вы бы только слышали, вы бы только чувствовали каждую минуту, что подле вас бьется благодарное,

благодарное сердце, горячее сердце, которое за вас... Ох, Настенька, Настенька! что вы со мной сделали!..

only I would love you, I would love you so, that even if you still loved him, even if you went on loving the man I don't know, you would never feel that my love was a burden to you. You would only feel every minute that at your side was beating a grateful, grateful heart, a warm heart ready for your sake.... Oh Nastenka, Nastenka! What have you done to me? "

-- Не плачьте же, я не хочу, чтоб вы плакали, -- сказала Настенька, быстро вставая со скамейки, -- пойдёте, встаньте, пойдёте со мной, не плачьте же, не плачьте, -- говорила она, утирая мои слезы своим платком, -- ну, пойдёте теперь; я вам, может быть, скажу что-нибудь... Да, уж коли теперь он оставил меня, коль он позабыл меня, хотя я ещё и люблю его (не хочу вас обманывать)...

"Don't cry; I don't want you to cry, " said Nastenka getting up quickly from the seat. "Come along, get up, come with me, don't cry, don't cry, " she said, drying her tears with her handkerchief; "let us go now; maybe I will tell you something.... If he has forsaken me now, if he has forgotten me, though I still love him (I do not want to deceive you)...

но, послушайте, отвечайте мне. Если б я, например, вас полюбила, то есть если б я только... Ох, друг мой, друг мой! как я подумаю, как подумаю, что я вас оскорбляла тогда, что смеялась над вашей любовью, когда вас хвалила за то, что вы не влюбились!.. О, боже! да как же я этого не предвидела, как я не предвидела, как я была так глупа, но... ну, ну, я решилась, я всё скажу...

but listen, answer me. If I were to love you, for instance, that is, if I only.... Oh my friend, my friend! To think, to think how I wounded you, when I laughed at your love, when I praised you for not falling in love with me. Oh dear! How was it I did not foresee this, how was it I did not foresee this, how could I have been so stupid? But.... Well, I have made up my mind, I will tell you."

-- Послушайте, Настенька, знаете что? я уйду от вас, вот что! Просто я вас только мучаю. Вот у вас теперь угрызения совести за то, что вы насмехались, а я не хочу, Да, не хочу, чтоб вы, кроме вашего горя... я, конечно, виноват, Настенька, но прощайте!

"Look here, Nastenka, do you know what? I'll go away, that's what I'll do. I am simply tormenting you. Here you are remorseful for having laughed at me, and I won't have you... in addition to your sorrow.... Of course it is my fault, Nastenka, but good-bye! "

-- Стойте, выслушайте меня: вы можете ждать?

"Stay, listen to me: can you wait? "

-- Чего ждать, как?

"What for? How? "

-- Я его люблю; но это пройдет, это должно пройти это не может не пройти; уж проходит, я слышу... Почему знать, может быть, сегодня же кончится, потому что я его ненавижу, потому что он надо мной насмеялся, тогда как вы плакали здесь вместе со мною, потому что вы не отвергли бы меня, как он, потому что вы любите, а он не любил меня, потому что я вас, наконец, люблю сама... да, люблю! люблю, как вы меня любите; я же ведь сама еще прежде вам это сказала, вы сами слышали, -- потому люблю, что вы лучше его, потому, что вы благороднее его, потому, потому, что он...

"I love him; but I shall get over it, I must get over it, I cannot fail to get over it; I am getting over it, I feel that.... Who knows? Perhaps it will all end to-day, for I hate him, for he has been laughing at me, while you have been weeping here with me, for you have not repulsed me as he has, for you love me while he has never loved me, for in fact, I love you myself.... Yes, I love you! I love you as you love me; I have told you so before, you heard it yourself—I love you because you are better than he is, because you are nobler than he is, because, because he——"

Волнение бедняжки было так сильно, что она не dokonчила, положила свою голову мне на плечо, потом на грудь и горько заплакала. Я утешал, уговаривал ее, но она не могла перестать; она всё жала мне руку и говорила между рыданиями: "Подождите, подождите; вот я сейчас! перестану! Я вам хочу сказать... вы не думайте, чтоб эти слезы, -- это так, от слабости, подождите, пока пройдет..." Наконец она перестала, отерла слезы, и мы снова пошли. Я было хотел говорить, но она долго еще всё просила меня подождать. Мы замолчали... Наконец она собралась с духом и начала говорить...

The poor girl's emotion was so violent that she could not say more; she laid her head upon my shoulder, then upon my bosom, and wept bitterly. I comforted her, I persuaded her, but she could not stop crying; she kept pressing my hand, and saying between her sobs: "Wait, wait, it will be over in a minute! I want to tell you... you mustn't think that these tears—it's nothing, it's weakness, wait till it's over."... At last she left off crying, dried her eyes and we walked on again. I wanted to speak, but she still begged me to wait. We were silent.... At last she plucked up courage and began to speak.

-- Вот что, -- начала она слабым и дрожащим голосом, но в котором вдруг зазвенело что-то такое, что вонзилось мне прямо в сердце и сладко заняло в нем, -- не думайте, что я так непостоянна и ветрена, не думайте, что я могу так легко и скоро позабыть и изменить... Я целый год его любила и богом клянусь, что никогда, никогда даже мыслью не была ему неверна. Он презрел это; он насмеялся надо мною, --бог с ним! Но он уязвил меня и оскорбил мое сердце. Я -- я не люблю его, потому что я могу любить только то, что великодушно, что понимает меня, что благородно; потому что я сама такова, и он недостоин меня, -- ну, бог с ним! Он лучше сделал, чем когда бы я потом обманулась в своих ожиданиях и узнала, кто он таков... Ну, конечно! Но почему знать, добрый друг мой, -- продолжала она, пожимая мне руку, -- почему знать, может быть, и вся любовь моя была обман чувств, воображения, может быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была под надзором у бабушки?

"It's like this, " she began in a weak and quivering voice, in which, however, there was a note that pierced my heart with a sweet pang; "don't think that I am so light and inconstant, don't think that I can forget and change so quickly. I have loved him for a whole year, and I swear by God that I have never, never, even in thought, been unfaithful to him.... He has despised me, he has been laughing at me—God forgive him! But he has insulted me and wounded my heart. I... I do not love him, for I can only love what is magnanimous, what understands me, what is generous; for I am like that myself and he is not worthy of me—well, that's enough of him. He has done better than if he had deceived my expectations later, and shown me later what he was.... Well, it's over! But who knows, my dear friend, " she went on pressing my hand, "who knows, perhaps my whole love was a mistaken feeling, a delusion—perhaps it began in mischief, in nonsense, because I was kept so strictly by grandmother?"

Может быть, я должна любить другого, а не его, не такого человека, другого, который пожалел бы меня и, и... Ну, оставим, оставим это, -- перебила Настенька, задыхаясь от волнения, -- я вам только хотела сказать... я вам хотела сказать, что если, несмотря на то что я люблю его (нет, любила его), если, несмотря на то, вы еще скажете... если вы чувствуете, что ваша любовь так велика, что может наконец вытеснить из Моего сердца прежнюю... если вы захотите сжалиться надо мною, если вы не захотите меня оставить одну в моей судьбе, без утешения, без надежды, если вы захотите любить меня всегда, как теперь меня любите, то клянусь, что благодарность... что любовь моя будет наконец достойна вашей любви... Возьмете ли вы теперь мою руку?

Perhaps I ought to love another man, not him, a different man, who would have pity on me and... and.... But don't let us say any more about that, " Nastenka broke off, breathless with emotion, "I only wanted to tell you... I wanted to tell you that if, although I love him (no, did love him), if, in spite of this you still say.... If you feel that your love is so great that it may at last drive from my heart my old feeling—if you will have pity on me—if you do not want to leave me alone to my fate, without hope, without consolation—if you are ready to love me always as you do now—I swear to you that gratitude... that my love will be at last worthy of your love.... Will you take my hand?"

-- Настенька, -- закричал я, задыхаясь от рыданий, -- Настенька!.. О Настенька!..

"Nastenka! " I cried breathless with sobs. "Nastenka, oh Nastenka! "

-- Ну, довольно, довольно! ну, теперь совершенно довольно! -- заговорила она, едва пересиливая себя, -- ну, теперь уже всё сказано; не правда ли? так? Ну, и вы счастливы, и я счастлива; ни слова же об этом больше; подождите; пощадите меня... Говорите о чем-нибудь другом, ради бога!..

"Enough, enough! Well, now it's quite enough, " she said, hardly able to control herself. "Well, now all has been said, hasn't it! Hasn't it? You are happy—I am happy too. Not another word about it, wait; spare me... talk of something else, for God's sake."

-- Да, Настенька, да! довольно об этом, теперь я счастлив, я... Ну, Настенька, ну, заговорим о другом, поскорее, поскорее заговорим; да! я готов...

"Yes, Nastenka, yes! Enough about that, now I am happy. I——Yes, Nastenka, yes, let us talk of other things, let us make haste and talk. Yes! I am ready."

И мы не знали, что говорить, мы смеялись, мы плакали, мы говорили тысячи слов без связи и мысли; мы то ходили по тротуару, то вдруг возвращались назад и пускались переходить через улицу; потом останавливались и опять переходили на набережную; мы были как дети...

And we did not know what to say: we laughed, we wept, we said thousands of things meaningless and incoherent; at one moment we walked along the pavement, then suddenly turned back and crossed the road; then we stopped and went back again to the embankment; we were like children.

-- Я теперь живу один, Настенька, -- заговорил я, -- а завтра... Ну, конечно, я, знаете, Настенька, беден, у меня всего тысяча двести, но это ничего...

"I am living alone now, Nastenka, " I began, "but to-morrow! Of course you know, Nastenka, I am poor, I have only got twelve hundred roubles, but that doesn't matter."

-- Разумеется, нет, а у бабушки пенсия; так она нас не стеснит. Нужно взять бабушку.

"Of course not, and granny has her pension, so she will be no burden. We must take granny."

-- Конечно, нужно взять бабушку... Только вот Матрена...

"Of course we must take granny. But there's Matrona."

-- Ах, да и у нас тоже Фекла!

"Yes, and we've got Fyokla too! "

-- Матрена добрая, только один недостаток: у ней нет воображения, Настенька, совершенно никакого воображения; но это ничего!..

"Matrona is a good woman, but she has one fault: she has no imagination, Nastenka, absolutely none; but that doesn't matter."

-- Всё равно; они обе могут быть вместе; только вы завтра к нам переезжайте.

"That's all right—they can live together; only you must move to us to-morrow."

-- Как это? к вам! Хорошо, я готов...

"To you? How so? All right, I am ready."

-- Да, вы наймите у нас. У нас там, наверху, мезонин; он пустой; жилища была, старушка, дворянка, она съехала. и бабушка, я знаю, хочет молодого человека пустить; я говорю: "Зачем же молодого человека? " А она говорит: "Да так, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замуж сосватать". Я и догадалась, что это для того...

"Yes, hire a room from us. We have a top floor, it's empty. We had an old lady lodging there, but she has gone away; and I know granny would like to have a young man. I said to her, 'Why a young man? ' And she said, 'Oh, because I am old; only don't you fancy, Nastenka, that I want him as a husband for you.' So I guessed it was with that idea."

-- Ах, Настенька!..

"Oh, Nastenka! "

И оба мы засмеялись.

And we both laughed.

-- Ну, полноте же, полноте. А где же вы живете? я и забыла.

"Come, that's enough, that's enough. But where do you live? I've forgotten."

-- Там, у --ского моста, в доме Баранникова.

"Over that way, near X bridge, Barannikov's Buildings."

-- Это такой большой дом?

"It's that big house? "

-- Да, такой большой дом.

"Yes, that big house."

-- Ах, знаю, хороший дом; только вы, знаете, бросьте его и переезжайте к нам поскорее...

"Oh, I know, a nice house; only you know you had better give it up and come to us as soon as possible."

-- Завтра же, Настенька, завтра же; я там немножко должен за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

"To-morrow, Nastenka, to-morrow; I owe a little for my rent there but that doesn't matter. I shall soon get my salary."

-- А знаете, я, может быть, буду уроки давать; сама выучусь и буду давать уроки...

"And do you know I will perhaps give lessons; I will learn something myself and then give lessons."

-- Ну вот и прекрасно... а я скоро награждение получу, Настенька...

"Capital! And I shall soon get a bonus."

-- Так вот вы завтра и будете мой жилец...

"So by to-morrow you will be my lodger."

-- Да, и мы поедем в "Севильского цирюльника", потому что его теперь опять дадут скоро.

"And we will go to The Barber of Seville, for they are soon going to give it again."

-- Да, поедем, -- сказала смеясь Настенька, -- нет, лучше мы будем слушать не "Цирюльника", а что-нибудь другое...

"Yes, we'll go, " said Nastenka, "but better see something else and not The Barber of Seville."

-- Ну хорошо, что-нибудь другое; конечно, это будет лучше, а то я не подумал...

"Very well, something else. Of course that will be better, I did not think——"

Говоря это, мы ходили оба как будто в чад, в тумане, как будто сами не знали, что с нами делается. То останавливались и долго разговаривали на одном месте, то опять пускались ходить и заходили бог знает куда, и опять смех, опять слезы... То Настенька вдруг захочет домой, я не смею удерживать и захочу проводить ее до самого дома; мы пускаемся в путь и вдруг через четверть часа находим себя на набережной у нашей скамейки. То она вздохнет, и снова слезинка набежит на глаза; я оробею, похолодею... Но она тут же жмет мою руку и тащит меня снова ходить, болтать, говорить...

As we talked like this we walked along in a sort of delirium, a sort of intoxication, as though we did not know what was happening to us. At one moment we stopped and talked for a long time at the same place; then we went on again, and goodness knows where we went; and again tears and again laughter. All of a sudden Nastenka would want to go home, and I would not dare to detain her but would want to see her to the house; we set off, and in a quarter of an hour found ourselves at the embankment by our seat. Then she would sigh, and tears would come into her eyes again; I would turn chill with dismay.... But she would press my hand and force me to walk, to talk, to chatter as before.

-- Пора теперь, пора мне домой; я думаю, очень поздно, -- сказала наконец Настенька, -- полно нам так ребячиться!

"It's time I was home at last; I think it must be very late, " Nastenka said at last.
"We must give over being childish."

-- Да, Настенька, только уж я теперь не засну; я домой не пойду.

"Yes, Nastenka, only I shan't sleep to-night; I am not going home."

-- Я тоже, кажется, не засну; только вы проводите меня...

"I don't think I shall sleep either; only see me home."

-- Непременно!

"I should think so! "

-- Но уж теперь мы непременно дойдем до квартиры.

"Only this time we really must get to the house."

-- Непременно, непременно...

"We must, we must."

-- Честное слово?.. потому что ведь нужно же когда-нибудь воротиться домой!

"Honour bright? For you know one must go home some time! "

-- Честное слово, --отвечал я смеясь...

"Honour bright, " I answered laughing.

-- Ну, пойдете!

"Well, come along! "

-- Пойдете.

-- Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает её, смотрите, смотрите!.. Нет, оно прошло мимо. Смотрите же, смотрите!..

"Come along! Look at the sky, Nastenka. Look! To-morrow it will be a lovely day; what a blue sky, what a moon! Look; that yellow cloud is covering it now, look, look! No, it has passed by. Look, look! "

Но Настенька не смотрела на облако, она стояла молча. как вкопанная; через минуту она стала как-то робко, тесно прижиматься ко мне. Рука ее задрожала в моей руке; я поглядел на нее... Она оперлась на меня еще сильнее.

But Nastenka did not look at the cloud; she stood mute as though turned to stone; a minute later she huddled timidly close up to me. Her hand trembled in my hand; I looked at her. She pressed still more closely to me.

В эту минуту мимо нас прошел молодой человек. Он вдруг остановился, пристально посмотрел на нас и потом опять сделал несколько шагов. Сердце во мне задрожало...

At that moment a young man passed by us. He suddenly stopped, looked at us intently, and then again took a few steps on. My heart began throbbing.

-- Настенька, -- сказал я вполголоса, -- кто это, Настенька?

"Who is it, Nastenka?" I said in an undertone.

-- Это он! -- отвечала она шепотом, еще ближе, еще трепетнее прижимаясь ко мне... Я едва устоял на ногах.

"It's he, " she answered in a whisper, huddling up to me, still more closely, still more tremulously.... I could hardly stand on my feet.

-- Настенька! Настенька! это ты! -- слышался голос за нами, и в ту же минуту молодой человек сделал к нам несколько шагов.

"Nastenka, Nastenka! It's you! " I heard a voice behind us and at the same moment the young man took several steps towards us.

Боже, какой крик! как она вздрогнула! как она вырвалась из рук моих и порхнула к нему навстречу!.. Я стоял и смотрел на них как убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась в его объятия, как вдруг снова обернулась ко мне, очутилась подле меня, как ветер, как молния, и, прежде чем успел я опомниться, обхватила мою шею обеими руками и крепко, горячо поцеловала меня. Потом, не сказав мне ни слова, бросилась снова к нему, взяла его за руки и повлекла его за собою.

My God, how she cried out! How she started! How she tore herself out of my arms and rushed to meet him! I stood and looked at them, utterly crushed. But she had hardly given him her hand, had hardly flung herself into his arms, when she turned to me again, was beside me again in a flash, and before I knew where I was she threw both arms round my neck and gave me a warm, tender kiss. Then, without saying a word to me, she rushed back to him again, took his hand, and drew him after her.

Я долго стоял и глядел им вслед... Наконец оба они исчезли из глаз моих.

I stood a long time looking after them. At last the two vanished from my sight.

MORNING

УТРО

My night ended with the morning. It was a wet day. The rain was falling and beating disconsolately upon my window pane; it was dark in the room and grey outside. My head ached and I was giddy; fever was stealing over my limbs.

Мои ночи кончились утром. День был нехороший. Шел дождь и уныло стучал в мои стекла; в комнатке было темно, на дворе пасмурно. Голова у меня болела и кружилась; лихорадка прокрадывалась по моим членам.

-- Письмо к тебе, батюшка, по городской почте, почтарь принес, -- проговорила надо мною Матрена.

"There's a letter for you, sir; the postman brought it, " Matrona said stooping over me.

-- Письмо! кого? -- закричал я, вскакивая со стула.

"A letter? From whom? " I cried jumping up from my chair.

-- А не ведаю, батюшка, посмотри, может, там и написано от кого.

"I don't know, sir, better look—maybe it is written there whom it is from."

Я сломал печать. Это от нее!

I broke the seal. It was from her!

"О, простите, простите меня! -- писала мне Настенька, -- на коленях умоляю вас, простите меня! Я обманула и вас и себя. Эта был сон, призрак... Я изныла за вас сегодня; простите, простите меня!..

"Oh, forgive me, forgive me! I beg you on my knees to forgive me! I deceived you and myself. It was a dream, a mirage.... My heart aches for you to-day; forgive me, forgive me!

Не обвиняйте меня, потому что я ни в чем не изменилась пред вами; я сказала, что буду любить вас, я и теперь вас люблю, больше чем люблю. О боже! если б я могла любить вас обоих разом! О, если б вы были он! "

"Don't blame me, for I have not changed to you in the least. I told you that I would love you, I love you now, I more than love you. Oh, my God! If only I could love you both at once! Oh, if only you were he! "

"О, если б он были вы! " -- пролетело в моей голове. Я вспомнил твои же слова, Настенька!

"Oh, if only he were you, " echoed in my mind. I remembered your words, Nastenka!

"Бог видит, что бы я теперь для вас сделала! Я знаю, что вам тяжело и грустно. Я оскорбила вас, но вы знаете -- коли любишь, долго ли помнишь обиду. А вы меня любите!

"God knows what I would do for you now! I know that you are sad and dreary. I have wounded you, but you know when one loves a wrong is soon forgotten. And you love me.

Благодарю! да! благодарю вас за эту любовь. Потому что в памяти моей она напечатлелась, как сладкий сон, который долго помнишь после пробуждения; потому что я вечно буду помнить тот миг, когда вы так братски открыли мне свое сердце и так великодушно приняли в дар мое, убитое, чтоб его беречь, лелеять, вылечить его... Если вы простите меня, то память об вас будет возвышена во мне вечным, благодарным чувством к вам, которое никогда не изгладится из души моей... Я буду хранить эту память, буду ей верна, не изменю ей, не изменю своему сердцу: оно слишком постоянно. Оно еще вчера так скоро воротилось к тому, которому принадлежало навеки.

"Thank you, yes, thank you for that love! For it will live in my memory like a sweet dream which lingers long after awakening; for I shall remember for ever that instant when you opened your heart to me like a brother and so generously accepted the gift of my shattered heart to care for it, nurse it, and heal it.... If you forgive me, the memory of you will be exalted by a feeling of everlasting gratitude which will never be effaced from my soul.... I will treasure that memory: I will be true to it, I will not betray it, I will not betray my heart: it is too constant. It returned so quickly yesterday to him to whom it has always belonged.

Мы встретимся, вы придете к нам, вы нас не оставите, вы будете вечно другом, братом моим... И когда вы увидите меня, вы подадите мне руку, да? вы подадите мне ее, вы простили меня, не правда ли? Вы меня любите по-прежнему?

"We shall meet, you will come to us, you will not leave us, you will be for ever a friend, a brother to me. And when you see me you will give me your hand... yes? You will give it to me, you have forgiven me, haven't you? You love me as before?

О, любите меня, не оставляйте меня, потому что я вас так люблю в эту минуту, потому что я достойна любви вашей, потому что я заслужу ее... друг мой милый! На будущей неделе я выхожу за него. Он воротился влюбленный, он никогда не забывал обо мне... Вы не рассердитесь за то, что я об нем написала. Но я хочу прийти к вам вместе с ним; вы его полюбите, не правда ли?..

"Oh, love me, do not forsake me, because I love you so at this moment, because I am worthy of your love, because I will deserve it... my dear! Next week I am to be married to him. He has come back in love, he has never forgotten me. You will not be angry at my writing about him. But I want to come and see you with him; you

will like him, won't you?

Простите же, помните и любите вашу Настеньку"

"Forgive me, remember and love your Nastenka."

Я долго перечитывал это письмо; слезы просились из глаз моих. Наконец оно выпало у меня из рук, и я закрыл лицо.

I read that letter over and over again for a long time; tears gushed to my eyes. At last it fell from my hands and I hid my face.

-- Касатик! а касатик! -- начала Матрена.

"Dearie! I say, dearie——" Matrona began.

-- Что, старуха?

"What is it, Matrona? "

-- А паутину-то я всю с потолка сняла; теперь хоть женись, гостей созывай, так в ту ж пору...

"I have taken all the cobwebs off the ceiling; you can have a wedding or give a party."

Я посмотрел на Матрену... Это была еще бодрая, молодая старуха, но, не знаю отчего, вдруг она представилась мне с потухшим взглядом, с морщинами на лице, согбенная, дряхлая... Не знаю отчего, мне вдруг представилось, что комната моя постарела так же, как и старуха. Стены и полы облиняли, всё потускнело; паутины развелось еще больше. Не знаю отчего, когда я взглянул в окно, мне показалось, что дом, стоявший напротив, тоже одряхлел и потускнел в свою очередь, что штукатурка на колоннах облупилась и осыпалась, что карнизы почернели и растрескались и стены из темно-желтого яркого цвета стали пегие...

I looked at Matrona. She was still a hearty, youngish old woman, but I don't know why all at once I suddenly pictured her with lustreless eyes, a wrinkled face, bent, decrepit.... I don't know why I suddenly pictured my room grown old like Matrona. The walls and the floors looked discoloured, everything seemed dingy; the spiders' webs were thicker than ever. I don't know why, but when I looked out of the window it seemed to me that the house opposite had grown old and dingy too, that the stucco on the columns was peeling off and crumbling, that the cornices were cracked and blackened, and that the walls, of a vivid deep yellow, were patchy.

Или луч солнца, внезапно выглянув из-за тучи, опять спрятался под дождевое облако, и всё опять потускнело в глазах моих; или, может быть, передо мною мелькнула так неприветно и грустно вся перспектива моего будущего, и я увидел себя таким, как я теперь, ровно через пятнадцать лет, постаревшим, в той же комнате, так ж одиноким, с той же Матреной, которая нисколько не поумнела за все эти годы.

Either the sunbeams suddenly peeping out from the clouds for a moment were hidden again behind a veil of rain, and everything had grown dingy again before my eyes; or perhaps the whole vista of my future flashed before me so sad and forbidding, and I saw myself just as I was now, fifteen years hence, older, in the same room, just as solitary, with the same Matrona grown no cleverer for those fifteen years.

Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! Чтоб я нагнал темное облако на твое ясное, безмятежное счастье, чтоб я, горько упрекнув, нагнал тоску на твое сердце, уязвил его тайным угрызением и заставил его тоскливо биться в минуту блаженства, чтоб я измял хоть один из этих нежных цветков, которые ты вплела в свои черные кудри, когда пошла вместе с ним к алтарю... О, никогда, никогда! Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

But to imagine that I should bear you a grudge, Nastenka! That I should cast a dark cloud over your serene, untroubled happiness; that by my bitter reproaches I should cause distress to your heart, should poison it with secret remorse and should force it to throb with anguish at the moment of bliss; that I should crush a single one of those tender blossoms which you have twined in your dark tresses when you go with him to the altar.... Oh never, never! May your sky be clear, may your sweet smile be bright and untroubled, and may you be blessed for that moment of blissful happiness which you gave to another, lonely and grateful heart!

Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..

My God, a whole moment of happiness! Is that too little for the whole of a man's life?

Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..

My God, a whole moment of happiness! Is that too little for the whole of a man's life?

Maksym Lushpai
2018

Published by
Maksym Lushpai
2018